

ИРИНА БОГДАНОВА

ОТЗВУКИ
ВРЕМЕНИ

Ирина Богданова
Отзвуки времени

«Сибирская Благовонница»

2018

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Богданова И. А.

Отзвуки времени / И. А. Богданова — «Сибирская
Благовонница», 2018

ISBN 978-5-00127-344-8

«Отзвуки времени» – новый долгожданный роман Ирины Богдановой, номинанта Патриаршей литературной премии и лауреата литературного конкурса «Просвещение через книгу». Произведения автора неоднократно включались в федеральную программу «Культура России» и заслуженно пользуются популярностью у читателей за искренность и душевность. Героиня повествования – наша современница, но цепочка событий в ее судьбе приоткроет дверцу в давно минувшую эпоху блистательного Санкт-Петербурга с его тайнами и загадками. Читателю предстоит узнать, кто услышит отзвуки времени, чтобы в круговерти дней найти верную дорогу к себе самому и друг к другу. И чем дальше отодвигаются в глубь веков события истории, тем яснее выступает из их тени и приближается к нам женская фигурка в истлевшем мужском камзоле певчего придворного хора. Как всегда, книга захватит читателя с первых страниц, приглашая вместе, рука об руку, пойти навстречу прощению, любви и вере.

УДК 821.161.1-3

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-00127-344-8

© Богданова И. А., 2018

© Сибирская Благовонница, 2018

Содержание

Давно минувшее...	6
Нынешнее...	56
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Ирина Анатольевна Богданова

Отзвуки времени

© Богданова И.А., текст, 2018

© Издательство Сибирская Благовонница, оформление, 2018

* * *

Допущено к распространению Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС Р 22-221-3277

Давно минувшее...

Днём вдоль Невы, гремя колёсами, проехала карета государыни Елизаветы Петровны, дочери царя Петра. Снежная крупа серебром осыпала золотую резьбу широких каретных оконеч, задёрнутых камчатыми занавесками. Лакеи на запятках стояли столбами, ровно аршин проглотили: парики напудрены, фалды кафтанов летят по ветру, руки в белых перчатках вцепились в поручни.

Городская мелюзга, сгрудившись в ватагу, бежала вослед кареты с криками:

– Едет! Царица едет!

Люди кланялись, ломали шапки перед матушкой. Позади кареты стучала по мостовой повозка с шутами, шутихами. Дребезжали бубенцы на дурацких колпаках. Карлица с детским личиком, разодетая в парчу и бархат, кривлялась напоказ толпе, вроде заморской обезьянки, что чужеземные моряки привозят на своих огромных кораблях с деревянными девками на носу.

И тогда в первый раз кольнуло под сердце: «А ведь недолго нашей государыне веселиться осталось. Приходит её черёд, тот, что уравнивает царей с распоследним лапотником».

– Поберегись! Расступись! Зашибу! – орал красномордый казак, сидя верхом на сером скакуне. Орудя кнутом, он ловко разогнал толпу на набережной, вскинул голову и загарцевал, красуясь перед стайкой девок с молодками. Одна из них, чернобровая и синеглазая, была ой как хороша!

Щелчки кнута направо и налево полосовали спины случайных прохожих. Ей тоже досталось, и сейчас удавалось разгибаться с трудом. Три кирпича, положенных в стопку один на другой, давили на грудь невероятной тяжестью. Больше трёх она поднять не могла, потому что донимала одышка. Подъем по крутой лестнице выматывал последние силы, оставляя крохи ради глотка воздуха. Упасть бы и не двигаться, но надо идти.

Юбка ещё не просохла после вчерашнего дождя со снегом, в рваных чёботах хлюпала вода, платок съезжал на лоб. Ступенька вверх, ещё ступенька. Она поскользнулась, но не упала, успев опереться спиной о перекладину. Через пять ступенек сквозь остов купола открылась небесная бесконечность с грядой рваных облаков, летевших вдаль. Широка, велика Россия-матушка! Где-то зацепятся эти облака за кресты над церквями, окутывая купола седой дымкой.

Женщина подняла лицо к небу, отыскала взглядом звезду и улыбнулась. Слава Тебе, Господи! Таская кирпичи на верхотуру недостроенной церкви, она так ясно чувствовала Его присутствие, как если бы видела на снегу следы Его стоп. Телу зябко, ногам больно, рукам тяжело, а душа поёт, словно подпевает хору Ангелов:

«Слава в вышних Богу, и на земле мир, и в человецех благоволение!»

Холодина над Васильевским островом стояла невероятная. Вызывая дрожь, со стороны речки Смоленки дул студёный ветер. Со звоном луговых колокольцев мотались обледеневшие ветки деревьев, подкрашенные голубоватым лунным светом. Чёрные на тёмном, раскинули крылья могильные кресты на кладбище. Перекрестившись, женщина подумала, что ежели будет на то Господня воля, и она ляжет в эту землю, омытую слезами петербургских дождей.

* * *

Когда императрица Анна Иоанновна подписала указ об «отводе мест» под Смоленское кладбище, кресты над могилами уже тянули к небу свои крылья. Первыми на сём месте залегли в землю крестьяне Смоленской губернии, кои были пригнаны на строительство нового града

посреди болот и топей. Те лапотные мужички с котомками за плечами и стали зёрнами, из которых выросла слава сиятельного Санкт-Петербурга как русской твердыни, прочно держащей в каменной длани ключи от северных морей.

Постепенно новое кладбище начали именовать Смоленским, а речку Чухонку переименовали в Смоленку.

Переживший кончину своего основателя, город царя Петра оцепенел на четверть века и гордо расправил плечи лишь при Елизавете Петровне, начав бурно прирастать проспектами и каналами. Князь Алексей Разумовский в Аничковой усадьбе отгрохал себе целое маленькое королевство с пышными покоями, висячими садами Семирамидиными и стеклянными галереями, где бродили диковинные павлины с переливчатыми перьями и мерзкими голосами.

Теснились к Невскому проспекту дворцы Воронцовых, Строгановых, Шуваловых. Пытаясь превзойти один другого в роскоши, вельможи выписывали из заморских стран архитекторов и художников, которые хотя и не говорили по-русски, зато обладали славой и мастерством.

Стучали молотки каменщиков, подводы возили щебёнку и пудожский камень¹, строились рынки и доходные дома. Вытягивалась вверх Литейная часть, Садовая, Гороховая, на Васильевском острове всё дальше и дальше раскидывалась сеть линий, первоначально задуманных царём Петром как каналы.

И только Петербургская² сторона оставалась заповедным уголком старины, прирастая лишь деревянными избами, что теснились вокруг Троицкой площади. В Русской слободе жили ремесленники и торговцы. За Кронверком Петропавловской крепости появилась Татарская слобода, заселённая сплошь татарами, калмыками, турками и иными народами, что ходили в толстых стёганых халатах, а их женщины прикрывали лица и старались не показываться на люди. В сторону от Большого проспекта³ раскинулись Пушкарская слобода и слобода Копорского полка, чтобы в случае нападения шведов успеть встать в штыки и оборонить град от неприятеля.

По ночам с Петропавловской крепости по воде неслись крики часовых: «Слушай!.. Слушай!.. Слушай!..» Чуть свет начинали скрипеть колёсами телеги водовозов. Водовозы с Невы, Фонтанки или Мойки привозили бочки и разносили бадьи с водой по чёрному ходу высоких лестниц. Вода плескалась на ступени, и в студёную пору лестницы превращались в катальные горки. Ну да господам до чёрного хода дела нет, они ступали с парадной лестницы, а прислуге и так сойдёт. В широких дворах каждого дома громоздились поленницы дров, стоял каретный сарай с погребом, благоухали выгребные ямы – ведомство золотарей⁴, что селились на окраинах, дабы не смущать соседей постоянной вонью.

Рядом с каменным городом стоял деревянный. Тот был попроще, пониже и ничем не отличался от притулившихся рядом деревенок. Разве что слухи в городские избы долетали быстрее да девки росли привередливее – всё ж таки горожанки посадские, а не чёрная крестьянская косточка.

¹ Зодчий Андрей Никифорович Воронихин предложил некоторые архитектурные сооружения строить из пудожского (пудостьского) камня. По свидетельству современников, камень «чуть ли не пилой пилить можно, ножом резать. Мягкий он. Но в том-то и дело, что мягок этот камень, лишь пока лежит в земле, возле деревни Пудость, под Гатчиной. А вынь его из земли – другое получается: чем больше на воздухе находится, тем тверже становится. Обрабатывать камень легко, а по прочности он как мрамор».

² *Петербургская сторона*, откуда началось строительство Санкт-Петербурга. Ныне Петроградский район.

³ Больших проспектов в Санкт-Петербурге два: Большой проспект ВО (Васильевского острова) и Большой проспект ПС (Петроградской стороны).

⁴ *Золотарь* – тот, кто занимается очисткой выгребных ям, уборных и вывозом нечистот в бочках.

* * *

Зима ли на дворе была, лето ли али осень – всё едино, коли беда стучит в ворота.

В доме полковника Андрея Фёдоровича Петрова в Копорской слободе стояла тишина.

Зеркало занавешено, дорожки свёрнуты, на полу хвойные ветки. Кто-то из родни напёк блины, кто-то замыл пол за покойником, кто-то прибрал со стола после поминок. Она ничего не помнила, кроме того, что ещё третьего дня под выбеленным потолком плыл любимый голос – мягкий, лёгкий, чистый и такой глубокий, что в него хотелось окунуться с головой. Одно слово – придворный певчий⁵. Если уткнуться лицом в мундир, то можно успеть вдохнуть родной запах и задержать его в груди, стараясь вобрать в себя на веки вечные.

Мундиров было два – парадный малинового цвета и ежедневный. Ежедневный мундир состоял из штанов зелёного сукна и полукафтана из казённой камки с крашенинной подкладкой и шёлковыми пуговицами. По красному полю кафтан был шит зелёным шёлковым шнуrom. Она сама, своими руками подшивала его на рукаве, когда муж случайно зацепил о ветку яблони.

В парадном мундире Андрея Фёдоровича похоронили, а ежедневный здесь, на вешалке. К нему можно прикоснуться и представить, что Андрей Фёдорович вот-вот выйдет из спальни и наденет его на плечи.

Горе. Кругом горе. И как для любого православного, самым страшным оказалось то, что Андрей Фёдорович скончался скоропостижно, без покаяния.

Мерцающая у иконостаса лампада освещала тонкие лики со скорбными очами, которые всё видели и всё понимали. Ах, если бы случилось так, что умер не муж, а она самоё, жена...

Она бы с радостью отдала всю себя взамен. И разве есть для настоящей любви, заповеданной Господом, невозможное? Только святая любовь в состоянии спасти бессмертную душу.

Ночь пролетела в слезах и молитвах, а наутро по улицам Санкт-Петербурга прошла молодая женщина в мундире придворного певчего. Откликнулась она только на имя Андрея Фёдоровича, а тем, кто спрашивал, отвечала, что вчера была похоронена раба Божия Ксения Петрова, двадцати шести лет от роду, и просила помянуть её добрым словом.

* * *

– Дура! Дура идёт! – кричала вослед ватага огольцов, таких же босоногих, как и сама блаженная. С нищенской сумой за плечами, она шла вдоль Большой першпективы и, казалось, не замечала ни косых взглядов досужих зевак, ни снисходительных насмешек бывших друзей.

Ветер стих, и по всему Васильевскому острову пахло духмяной горечью тополей и смолой с пеньковых амбаров. К мясным рядам тянулись подводы, прикрытые рогожами. Стучали мастерки каменщиков, что возводили Андреевскую церковь, расхваливали товар горластые офени, сбитенщик нёс на голове бадью со сбитнем. Не разбирая дороги, промчалась карета князя Трубецкого – только занавески колыхались в оконцах.

Уступая дорогу, народишко отхлынул с мостовой, едва не сметя в сторону женщину в красном мундире певчего.

– Стыд и срам благородной вдове в неподобающем виде по городу бегать, – раздражённо сказала майорша Кобякина своей соседке, купчихе Дарье Трындиной. – Я пятый год вдовею, и мне ни разу не пришло в голову перед людьми позориться.

⁵ «Совершенно особое, привилегированное положение занимали певчие Придворной певческой капеллы, считавшиеся состоящими на государственной, дворцовой службе и находившиеся в ведении Министерства Императорского двора». *Гарднер И. А.* «Богослужбное пение Русской Православной Церкви». М.: ПСТБИ, 2004. Т. 2. С. 267.

Дамы сидели в саду под яблоней и потягивали холодный квас с ягодинками мочёной брусники. Госпожа Кобякина гневно вздохнула, отчего заколыхались концы повязанного на груди платка. Купчиха Трындына согласно кивнула головой и надула губы колечком.

– Ходят слухи, что родня этой блаженной, – оттопырив мизинец, она указала в сторону улицы, – подала прошение в указ, чтобы признать её умалишённой. Мыслимое ли дело: раздать имущество до последней плошки, да ещё и дом в придачу! Разве может такое прийти в умную голову?

Едва не захлебнувшись квасом, Кобякина ахнула:

– Новость-то какая! А я и не слыхала. И что суд?

– А суд... – Трындына сделала глубокую паузу, дабы насладиться удивлением подруги, – ... суд тоже сбрендил, потому что признал за Ксенией совершенное здоровье и право вершить дела по личному усмотрению.

– Ну и ну! Это теперь, значит, если кто из приличной семьи решит пустить нажитое по ветру, то рогатки ему никто чинить не будет. Что в мире деется! Что деется! – Кобякина опустила глаза долу, будто высматривая затейливый узор на скатерти, а потом стукнула кулаком по столу, аж квас в кувшине запузырился. – Помяни моё словечко, Дарья Елизаровна, года не пройдёт, как Ксения Петрова одумается. Волосы на себе рвать станет, что профукала состояние, да поздно будет!

* * *

Ночью на Петербургской стороне слышался треск, и с барок на реке Неве в небо взлетали огненные шутихи. Рассыпая искры, шутихи сгорали в воздухе, оставляя после себя завитки дыма. Окна Летнего дворца⁶ на том берегу сияли отблеском тысяч свечей. Вдоль набережной толпились кареты вельмож и сановников. Ржали лошади, метались тени, ветер доносил звуки музыки.

Весёлая царица Елизавета Петровна любила гулянья и боялась смерти до такой степени, что запретила похоронным процессиям проезжать мимо дворца. Днём императрица спала или примеряла наряды, коих, говорят, скопились целые галереи, а ночью вершила государственные дела и праздновала, праздновала, праздновала...

– Свят-свят-свят, – крестились жители деревянных домишек, что лепились на задворках каменных громад вдоль Невы. – Спаси и сохрани, Господи, от пожара, неровён час, занесёт ветром огненного петуха, и пойдёт гулять горе по слободе, плодя новых побирušек и сирот.

Равовались потехе лишь бесшабашные мальчишки. Разинув рты, они приплясывали на деревянной мостовой, восторженным визгом отмечая каждый новый всполох. Мимо них со стуком катили по брусчатке конные экипажи, всхрапывали лошади под всадниками, по дворам лаяли собаки и квохтали куры.

– Данила, пострелёнок, живо домой! – выводил высокий женский голос. – За уши оттреплю!

Большеглазый паренёк оглянулся и подтянул порты. Видать, зипунишко на нём был с чужого плеча, потому что его приходилось подпоясывать пеньковой верёвкой, чтобы держался на тщедушном теле.

Блаженная в рваной одежде остановилась, протянула руку и раскрыла ладонь с зажатой копейкой:

– Возьми царя на коне.

Он неуклюже переступил босыми ногами в цыпках и ссадинах.

⁶ Летний дворец Елизаветы Петровны – несохранившаяся императорская резиденция на месте, где теперь расположен Михайловский (Инженерный) замок.

– Благодарствую, но негоже тебе меня добром дарить. Я о прошлом лете в тебя камнем швырнул по глупости да по малолетству. Ты небось запомятовала, а меня тогда батя выдрал. И поделом. – Он шмыгнул носом. – Помер батяня по весне, на Смоленском схоронили. Помяни его душеньку.

Они стояли друг напротив друга – женщина и мальчик, и ни один из них не сдвигался с места, пока, наконец, детская рука не шевельнулась и взяла копейку.

* * *

Рождество Христово в 1762 году выдалось таким тёмным и снежным, что барыня-однодворка⁷ Колеватова после утрени прилегла покомарить и разодрала глаза только к полудню. В тонком сне привиделся отец диакон, трубно и благостно выводящий Рождественский тропарь: «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума, в нем бо звездам служащий звездою учахуся Тебе кланяться, Солнцу правды, и Тебе ведети с высоты Востока: Господи, слава Тебе».

Трёпаная борода отца диакона, похожая на кудель, напомнила Колеватовой о том, что скоро святки и дочки запросятся на девичьи посиделки прясть пряжу да женихов выглядывать. А там, глядишь, и спюют которой-то из них кошурку⁸.

Покрутившись с боку на бок на духмяном сенике, Колеватова спустила ноги с полатей и залпом осушила ковш кисловатого взвара из сушёных яблок.

– Ах ти мне, заспалась!

По молодости, когда не вдовствовала, бывало, с зарёй вскакивала и бежала в хлев, проверить, как девка коровушек доит. Брезгливой уродилась, любила, чтобы вымя было чисто вымыто и сухим полотенцем обтёрто, иначе каша на молоке в рот не полезет. А нынче от молочного так отвернуло, что едва похлёбку из сметков забеливает, да и то одной ложкой.

У печи возилась девка Акулька, что по сходной цене была куплена на прошлой неделе у разорившейся коллежской ассессорши Раскудыкиной.

Протерев глаза, Колеватова приняхалась к запаху стряпни и поняла, что готова проглотить жареного быка вместе с рогами и копытами.

– Никак ты блины затеяла? С чего бы это?

– Затеяла, барыня, как не затеять, – глотая слова, затарахтела Акулька. – И киселёк сварила, всё как положено на поминки. Ко мне с утра соседская Дуська прибежала, жена шорника. Ейный брательник возит дрова его светлости графу Шувалову. Так вот шуваловский слуга Тишка сказал Гришке...

Колеватова закатила глаза под потолок, начиная кумекать, почему Раскудыкина снизила цену на Акульку едва ли не вдвое против других слуг. Всего за пятнадцать рублей сторговались, несмотря на то, что девка молодая и шустрая.

– Цыц, Акулька, – оборвала она поток слов. – Какие поминки, ты что, рехнулась? Толком говори, в чём дело.

– Так я и говорю! – Акулька столь звучно шмыгнула носом, что Колеватова забеспокоилась, не сронила бы соплю в горшок с похлёбкой. – Померла царица-то наша, Елизавета Петровна! Как теперь жить будем? Говорят, на престол взошёл государь Пётр Третий.

– Батюшка светы! – охнула Колеватова. – Да ты брешешь, Акулька!

⁷ *Однодворцы* – в Российской империи до 1866 г. категория государственных крестьян. Образовалась в первой четверти XVIII в. из людей, несших дозорную и сторожевую службу на южной границе в связи с созданием регулярной армии и не попавших в состав дворянства-шляхтства. До 1840 г. имели право владеть крепостными.

⁸ *Кошурка* – элемент обрядовой песни, предвещающий скорую свадьбу.

– Вот вам крест, – забожилась Акулька. Её рука мелко заходила по груди, рассыпая крестные знамена. – К нам намедни нищенка забредала, твердила как заполошная: «Пеките блины, пеките блины, вскорости вся Расея будет печь блины». Я нищенку прогнала чуть не взащей, а глядь, её правда взяла! Вся Расея-матушка нынче на поминки блины с киселём стряпает.

Колеватова, что сходила со ступеней под полатями, так и замерла на одной ноге.

– Кого ты прогнала, дурища?

– Тётку в красной юбке и зелёной кофте. У неё ещё посох в руках был. Я ей и отрезала: мол, нечего побродяжкам у приличных домов отираться. Наша барыня покой и чистоту любит, а вы только грязь разносите.

Хотя колени у Колеватовой ослабли, в руках силушка сохранилась. Схватив подвернувшуюся подушку-думку, она запустила ею в Акульку:

– Недотёпа! Да тебя вожжами выпороть мало! Ты хоть соображаешь, что натворила?!

– А что? – У Акульки затряслась челюсть. – Прежняя барыня велела никому милостыню не подавать. Самим каждая копеечка дорога. Деньги счёт любят.

– Потому твоя Раскудыкина и разорилась дочиста, что гнала удачу от своих ворот! – заорала Колеватова. – Слыхала небось, что странников нам Бог посылает, чтобы испытать, каков ты есть человек?! Могла бы найти корку хлеба ради спасения своей души! – От возмущения она задыхалась, хватая ртом воздух. – А той блаженной Ксении, что ты прогнала, именитые люди в пояс кланяются и чуть ли не на коленях просят хлеб-соль отведать да примечают: у кого она возьмёт хоть сушечку или орешек, тому удача выпадает. А если отвернётся, то хозяйству убыток выйдет. Беда, ох беда!

Кое-как непослушными пальцами Колеватова застегнула пуговицы сорочки, натянула через голову шушун и только опосля отщипнула кусок пузыристого блина на конопляном масле.

– Помяни, Господи, душеньку царицы Елизаветы Петровны во Царствии Твоём и прости ей прегрешения вольные и невольные.

Смерть всех равняет под одну гребёнку. Смертушка придёт – не спросит: ей дорогу не заборонишь и рогатки не поставишь. Ей всё едино, что дворец, что курная изба – везде ворота отворены.

– Вот что, Акулька. – Она повернулась к девке и посмотрела со всей строгостью: – Собери мне блинов в корзинку. Пойду в церковь службу стоять да нищих одаривать, чтобы твои грехи замолить. Авось, и сжалится Господь, не накажет меня за твою глупость и скаредность.

Через много лет, когда уже старая Акулина придёт навестить могилу хозяйки на Смоленском кладбище, она заглянет и на другую могилку, около которой всегда толпится народ.

– Ты знала рабу Божию Ксению? – спросит её молодая барынька в синем капоре, подбитом лисьим мехом. По блестящему кольцу на пальце похоже, что новобрачная. – Правда ли говорят, что блаженная велела называть себя Андреем Фёдоровичем, по имени покойного мужа, а всё рассказывала, что умерла она – Ксения, а он жив-здоров?

– Видать Ксению видывала, а разговора с ней не вела, – покачает головой Акулина, – не довелось. Мало ли народа в стольном граде, со всеми не перебалакаешь.

* * *

Императрицу Елизавету Петровну похоронили в стылый день, пересыпанный снежной крупой, что ковром легла на ступени Зимнего.

Накануне от Зимнего дворца (часть ещё строилась) до Петропавловской крепости по невискому льду были проложены деревянные мостки. Вдоль всего пути стояли войска, и солдаты держали ружья по команде «на погребение», стволами вниз. Под тревожную барабанную дробь протяжно и уныло плакали трубы и флейты. Сплошная толпа народу на реке и набережной

наблюдала, как из дворцовых ворот медленно выдвинулась похоронная процессия. Белизна снега подчёркивала траурные платья дам и чёрные попоны на лошадях; чёрные епанчи на кавалерах перемежались с чёрными латами рыцарей и чёрными штандартами на длинных шестах.

– Со святыми упокой, Христе, душу рабы Твоей, – протяжно выводил хор певчих, и казалось, что по их голосам душенька усопшей императрицы взбирается к Небесным Чертогам.

Издалека с набережной Кронверка хорошо просматривались две фигуры, что провожали гроб: одна – мужская – подпрыгивала дурным галопом. И тогда концы царской мантии вырывались из рук лакеев и вороньими крыльями вились по ветру. Другая – женская – следовала величественно и скорбно.

– Истинная государыня новая царица Екатерина! – летел по толпе глухой ропот, проникая в самое сердце каждого, кто провожал в последний путь Елизавету Петровну.

– Матушка, Андрей Фёдорович, умоли Бога за императрицу, а не то погубит Россию наследник Пётр Третий, – тихо и просительно произнёс чей-то женский голос.

Никак блаженная рядом! Колеватова живо поворотилась на звук, но позади себя увидела лишь великое людское скопище.

* * *

Как трудно выбраться из хворобы! Кашель раздирал грудь и горло, а глаза слезились. Лихоманка выкручивала руки и ноги. Чувствуя, что сейчас упадёт, женщина свернула в ближний двор с приоткрытой калиткой. Собака сипло рыкнула, но не залаяла.

Натянув на плечи кусок рядна, женщина забилась в хлев, прислонилась к тёплому коровьему боку и зашептала слова молитвы. Она сердилась, что болезнь мешает ей славить Господа, и стыдилась своей немощи. Даст Бог, минует зима, сойдёт лёд на Неве и колокола запоют пасхальные звоны. У церковных врат батюшка в белых ризах двумя руками подымет крест и трижды крикнет в тёмное небо:

– Христос воскрес!

– Воистину воскрес! – колыхнётся в ответ людское море, возвещая, что Спаситель попрал смерть, воедино соединяя мир живых и мёртвых.

И такая радость разольётся вокруг, будто ступаешь не по земле, а плывёшь по солнечному лучу.

Сквозь мягкое полузабытьё слышались стук колотушки сторожа и неразборчивые людские голоса. Один мужчина говорил быстро и громко, а другой смиренно и успокаивающе:

– Господи, и их помилуй от щедрот Твоих!

От Имени Божиего на устах болезнь отступала. Перекрестив скотину, разделившую с ней кров, женщина вышла наружу, в мозглую сырость февральской ночи. Ветер с волчьим воем затеребил плат на голове и забрался в башмаки, но взгляд успел отыскать яркую звезду на небеси, что наперекор всему сияла светом Христовым, не приемля ни хулы, ни похвалы.

* * *

В начале мая Санкт-Петербург полосовали дожди. Розовато-жёлтая громада Зимнего дворца в строительных лесах закинула в болотном тумане. Измаявшись непогодой, недоброй славы государь Пётр Третий отбыл в загородный Ораниенбаум, и молва доносила слухи о его нескончаемых пирушках. И это вместо того, чтобы ходить в траурном платье по благодетельнице императрице Елизавете Петровне! Мужики меж собой баяли, что прусакам дана большая воля, и дошло до того, что русских солдат понуждают прислуживать голштинскому войску, выписанному на потребу новому царству.

Подобно своенравной Неве перед бурей, город набухал недовольством и страхом: что будет? Кто отмолит грехи, что каменной глыбой лежат на граде Петровом, построенном на человеческих костях?

– Интересно, спит ли когда эта блаженная? – сказала мужу Фёкла, завидя невысокую женщину в красной юбке и зелёной кофте.

Та шла, постукивая посохом по деревянному настилу, а сзади, на безопасном расстоянии, тащилась парочка мальчишек – из тех сорванцов, за которыми глаз да глаз.

– А я почём знаю? – пожал широкими плечами бондарь Маркел по прозвищу Волчегорский, потому как ещё пострелёнком пришёл в Престольную с урочища Волчья Гора на Белом море.

Здоровенными ручищами он мог колёсные обода ломать, а перед Фёклой робел. Бывало, забуянит где в трактире, так целовальник⁹ сразу полового за Фёклой шлёт. Стоит той взойти на порог да зыркнуть на благоверного, он вмиг тише ягнёнка становится.

– А мне всё же интересно, – продолжала гнуть своё Фёкла, – бабы всякое болтают, кто-то говорит, что Ксения свой дом вдове Антоновой отдала, а я думаю, что у неё в заповедном местечке пристанище имеется или кто из богачей её привечает. Болтают, куда блаженная на постой встанет, тому хозяину удача выпадет: купцы расторговываются, у ремесленников заказы подходят, а у крестьян урожай родится сам-сто. Вот и стукнуло мне в голову проследить, с кем она дружбу водит.

Пошуровав в печи, Фёкла брякнула на стол чугунок с пареной репой и развернула тряпицу с солью.

Маркел крикнул:

– Опять репа? Ты бы хоть щей с грибами наварила или уху сварганила. Во где уже у меня твоя репа стоит.

Ногтем с чёрной окаёмкой Маркел чиркнул себя по горлу, но репу взял, густо присолив серою солью. Слава Богу, соли в доме было вдосталь, давеча в гавань судно с солью зашло, так знакомый корабельщик целую меру по дешёвке продал.

– Ты разговор-то на репу не отводи, а лучше подумай, как разузнать то, о чём я тебе толкую. – Фёкла взяла в руки рубель и принялась яростно выкатывать валик с накрученным полотенцем. Она всегда гладила бельё, словно в бой шла. Иной раз Маркел думал, что если бы его жёнку с энтим рубелем в руках да впереди войска поставить, то ух – дрожи, неприятель!

– Да боязно мне, – сказал Маркел, упихав в рот последний кусок репки. – Ну как заметит и ославит на всю округу. Не дело бондарю за людьми подсматривать, чай, у нас не Тайная канцелярия, а я не граф Шувалов¹⁰.

– Тайную канцелярию государь Пётр Третий упразднить изволил, – отрезала Фёкла, – так что теперя каждый сам себе соглядатай.

– Не пойду я, Фёкла, не дури, – попытался урезонить жену Маркел, – что за шлея тебе под хвост попала?

– Узнай, – с нажимом сказала Фёкла, и Маркел понял, что упорная баба добром не отвяжется, да стыд признаться, но и самого интерес раззадорил, будь он сто крат неладен.

Легко сказать: выследи. А как сделать? Волей-неволей, пришлось спозаранку караулить, когда мелькнёт по улице красная юбка, да банным листом прилипнуть чуток поодаль, чтоб не потерять из виду.

⁹ *Целовальниками* в XVI–XVIII вв. называли местных должностных лиц, целовавших крест, т. е. присягнувших на кресте в исправном сборе государственных денежных доходов. После ликвидации в 1754 г. внутренних таможен сохранились только кабацкие целовальники.

¹⁰ *Граф Александр Иванович Шувалов* (1710–1771) – доверенное лицо императрицы Елизаветы Петровны, камергер, начальник Канцелярии тайных розыскных дел, генерал-фельдмаршал, сенатор, член Санкт-Петербургской конференции.

А и скоро блаженная была на ногу, будто не человек, а птица летала над городом! За целёхонький день нигде ни разу не присела, не отдохнула. К вечеру у Маркела от усталости спину узлом завязало, а ей хоть бы что. Спрятавшись за угол, он достал из торбы краюху хлеба и впился зубами в подсохшую мякоть. Хлеб Фёкла пекла знатный, духмяный, с тминным семенем. Сейчас жена небось козёнку подоила и сидит у ворот калёными орешками балуется.

За день пришлось с Петербургской стороны дойти до Сенной площади, оттуль до Сенатской, потом вдоль Невы к верфям. Слава Богу, у Исаакиевской церкви ему досталась короткая передышка, потому что далее пришлось топтать аж до самого Смоленского кладбища. И везде Ксения шла лёгкой походкой, останавливаясь лишь у храмов Божиих, чтобы положить поклоны.

Завидев Ксению, лоточники выскакивали из-за прилавков, что пузыри из кваса:

– Возьми, возьми копеечку, Андрей Фёдорович! Не побрезгуй.

Более не предлагали, знали, что не примет.

И замирали в поклоне с протянутыми ладонями, на которых поблёскивали медяки.

«А ведь чуют, что не она нищенка, а они, – вдруг до пота прошибло Маркела, – их богатство – труха, тлен, а её есть Царствие Небесное».

Он запахнул зипун и взглянул на небо. Вечерело. С Невы тянуло сырым холодом. Нынче сентябрь, День святого Евтихия. Сеструхи в деревеньке на Волчьей Горе небось примечают, тихий ли день. По приметам ежели не прилетят ветра, то льняное семя на корню выстоит и масло будет доброе, что жидкое золото. Маркел вздохнул. Хоть и живёт в столице, почитай, с малолетства, а душа в деревню погрустить летает, повидать родные берёзки возле полей со жнивьём да поклониться заветному родничку. Ух, и вкусная там водица!

Он так размечтался, что едва не прокараулил зелёную кофту, что замелькала меж возов с сеном. В два жевка заглотив краюху, Маркел двинул позади, держась на безопасном расстоянии, чтобы его не заметили.

На счастье, блаженная шла себе да шла куда глаза глядят, по сторонам не оглядывалась.

На углу постоянного двора, что держал Игнат Кубышкин, пришлось прикрыть лицо рукавом, навроде как зубы болят. С Игнатом они давние приятели, ну а вдруг если тот выскочит да спросит: куда, мол, Маркел, поспегаешь? Что отвечать?

Зазевавшись, он ступил в лужу, и лапти сразу же набрались жидкой грязью. Маркел хотел выругаться, но что-то удержало, словно бы Дух Святой ступал рядом и мог слышать слова непотребные.

Он забеспокоился, когда пала тьма и пешеходы разбрелись по домам. Крестьянские домишки вдоль улиц становились всё беднее. Покосившиеся избёнки сменяли дощатые сараюшки и приземистые коровники. На мостике через канаву блаженная замедлила ход. Они были вдвоём на улице, и Маркел слышал, как блаженная забормотала что-то неразборчивое. Далее, за мостиком, лежало поле, где, по слухам, разбойничала шайка Ваньки Кистеня.

Маркел перекрестился:

– Не приведи, Господи, встретить татя ночного.

Он думал, что Ксения пойдёт обратно, но она устремилась по едва видной тропке меж кустов. Чтобы спрятаться, Маркелу пришлось присесть в бурьян.

«Ну, жена, погоди у меня!» – прошептал он ради порядка, хотя, признать по чести, его и самого раздирало любопытство. Оказывается, сладость чужих секретов может кружить голову не хуже хмельной бражки. Ему бы устыдиться, повернуть назад, но ноги сами несли навстречу неизвестности, да и уйти теперь боязно, потому как должен же кто-то защитить блаженную от разбойников, если те вдруг задумают недоброе.

Оказывается, Ксения молилась! Ночь напролёт! Стоя на камне, клала поклоны на все четыре стороны, крестилась и снова кланялась. По серому ночному небу мчались чёрные облака. Ветер рвал полы зипуна и ерошил волосы, рассыпая по траве седую изморозь грядущих

холодов. Когда проглядывала луна, из кустов ивняка Маркел чётко видел хрупкую фигурку, противостоящую непогоде. Закоченев от неподвижности, он тоже попробовал просить милости Господа, и сперва слова вязались в молитву, но потом от усталости мысли сбились на мирскую суету, и Маркел вдруг понял, что вместо «Отче наш» прикидывает, где сподручнее купить дубовины для бочек и заказать вязку обручей, чтоб гнулись, но не ломались. Стянув шапку, он наклонил голову и постарался сосредоточиться, стыдясь собственной слабости.

Ведь не за себя же просит блаженная, что стынет на пронизывающем ветру, а за него, за стольный град Петра, за Россию, чтоб стояла из века в век, за царицу-матушку, чтоб была умна и милостива, и за весь честной люд, что должен жить по совести и в страхе Божиим.

Неужели же он, здоровый мужик, не сдюжит то, что каждую ночь делает слабая женщина? Но нет, не смог, не хватило сил.

Утром, едва живой, Маркел забрался к Фёкле на печку и уже сквозь сон, произнёс:
– Завидишь блаженную – в ноги кланяйся и почитай за святую душеньку.

* * *

Юродивых по Петербургу бродило великое множество. По воскресным дням церковные паперти заполняли нищие. Выставив напоказ расчёсанные телеса, попрошайки тянули руки к прохожим:

– Подайте на пропитание Христа ради!

Тот, кто подобнее, бросал в подставленные ладони копейку-другую или совал краюху хлеба. Иные, скривив лицо, коротко отвечали: «Бог подаст», и тогда им в спину летели горькие взгляды, а иной раз и крепкое словцо.

Полученные деньги хватались с жадностью и тут же отправлялись за щёку, в щербатый рот: подальше положишь – поближе возьмёшь.

Ксения же ни о чём не просила и милостыню принимала не от всех, а полученное немедля раздавала другим, ничего не оставляя для себя. Казалось, что её не берёт ни холод, ни голод и не заботит людская молва. Одно слово – блаженная, да не от того, что ей припала блажь нищенства, а оттого, что сумела прикоснуться к истинной благодати Божией.

Петербург – город маленький, а Петербургская сторона и того меньше, трудно не распознать, что ежели заглянет блаженная в какую лавку да угостится хоть малой малостью, то у хозяина торговлишка как на дрожжах пойдёт. Единственное, на что серчала, – это ежели её величали не Андреем Фёдоровичем, а матушкой или Ксенией. Ответствовала всегда едино: «Ксения Григорьевна умерла».

Самым трудным оказалось избавиться от собственного тела. Оно мешало, приколачивало к земле, требуя то пищи, то крова, то чашку горячего сбитня с медовой пенкой, мечтало о кисленьком кваске из погребов, да чтобы поверху плавала поджаристая хлебная корочка. Зимой тело мёрзло, а летом корчило от жары. Но по мере того, как душу заполняла молитва, брэнное тело перестало занимать мысли. Пусть себе существует, раз Бог дал его человеку ради испытания веры.

* * *

Царствие императора Петра Третьего¹¹ продлилось семь месяцев, уснащая город сплетнями и пересудами. Новый царь не по нраву пришёлся простому люду, да и презирал он рус-

¹¹ *Государь Пётр Фёдорович* – сын старшей дочери Петра Великого Анны и герцога Голштейн-Готторпского. Прибыл в Россию в возрасте четырнадцати лет как наследник Российского престола.

ский народ, всё больше поглядывая в сторону неметчины, в коей взрастал до четырнадцати годков.

– Даже солдат себе выписал из Голштинии¹², – с придыханием говорила сестре дворцовая прачка Марфушка. С вёдрами в руках, бабоньки стояли возле бочки водовоза и никак не могли наговориться власть. – Нешто наши солдатики хуже ихних из ружей пуляют? Видала я этих упырей заморских, по-русски ни бе, ни ме, ни кукареку. Лопочут на своём немецком, что собаки лают. И государь туда же. Ростом сморчок, лицо с кулачок, паричок кургузый, а сапоги-то, сапоги! – Выкатив глаза, Марфушка провела ребром ладони себе по юбке. – Сапоги у него столь высоки, что ноги не сгибаются. Так и стоит столбом. Рукой машет да кричит солдатам: «Ай, цвай, драй! Ай, цвай, драй!» Не пойму я, что за «драй» такой? Что ни день, то у царя гулянка. Запрётся в покоях с, прости Господи, фрейлинами и велит страже никого не впускать, кроме лакея Фролки. Тот винище из погребов таскает кувшин за кувшином. А придворный арапчонок Тишка болтал, якобы княгиня Куракина с царской любовницей графиней Елизаветой Воронцовой до такого непотребства дошли, что едва не подрались. Парики друг у дружки на пол поскидывали и на посмешище всей дворни волосами трясли.

– Да неужто?! – У сестры так и рот открылся. – А я про Воронцову слыхала, что она с царицей Екатериной дружбу водит.

– С царицей дружбу водит Воронцова-Дашкова, сестра Елизаветы, – важно разъяснила Марфушка, – я их тоже сперва путала, пока не разобралась, что к чему. Тем паче, что они лицом схожи, как мы с тобой. Хотя ты, пожалуй, покрасивей меня будешь, недаром сваты у батюшки с матушкой пороги обивали, а я вековухой осталась... В общем, сестрица, я так тебе скажу: не Пётр Третий нашей державе достался, а балаганный петрушка. Но это ещё полбеды бы! Намедни мне портомойка шепнула, что государь собирается затеять войну с датским царём, чтоб помочь своей родной Пруссии! Где этот датский царь, мне неведомо, но подумать страшно, за что он собирается нашу русскую кровушку проливать! Одно слово – иноземец, не то что жонка его, царица Екатерина Алексеевна. Та, голубушка, вся в чёрном, да с плерезами¹³ шириной с тесовую доску. – Обозначая размер траура, Марфушка растопырила руки в стороны. – Ходит из церкви в церковь и молится за душеньку новопреставленной Елизаветы Петровны. Императору, само собой, стыд глаза ест, и помяни моё слово, Палага, моргнуть не успеем, как Екатерина в монастыре окажется, а то и того хуже, – она понизила голос, – ударит её супостат голштинный. Как пить дать ударит.

Охнув, сестра перекрестилась и некоторое время стояла, горестно подперев ладонью щёку. Но вдруг встрепенулась, словно луч солнца блеснул меж тучами.

– Авось обойдёт беда стороной Россию-матушку, не даст совершиться смертоубийству. – Она указала взглядом на блаженную Ксению, что брела вдоль забора бондаря Волчегорского: – Вон кто наши грехи отмолит. – Согнув спину в полупоклоне, она протяжно молвила: – Андрей Фёдорович, возьми копеечку, не побрезгуй.

Блаженная остановилась, опустила голову и пошла дальше. Только посох по дощатому настилу постукивал: стук да стук. Словно отсчитывал дни царствию Петра Третьего.

* * *

С той поры, как Маркел таскался за блаженной по городу, прошёл год, а кажется, будто век пролетел, столь круто свернула в сторону его жизнь. Будто лихой конь на полном скаку скинул с седла да в канаву с крапивой.

¹² *Голитиния*, или *Голштейн* (Holstein, *лат.* Holsatia) – бывшее герцогство в Северной Германии, между Эйдером, Эльбой, Траве, Немецким и Балтийским морями; образует с 1867 г. южную часть прусской провинции Шлезвиг-Голштейн.

¹³ *Плерезы* – белые траурные оборки на чёрном платье, как правило, по воротникам и рукавам.

Завидев блаженную, Маркел скомкал в руках шапчонку и согнул спину в поклоне:
– Здравия желаю, Андрей Фёдорович.

Теперь он всегда кланялся Ксенюшке до земли, будто царице. Хотя, пожалуй, государыне императрице он кланялся с меньшим усердием. Та проедет мимо в карете либо проскачет вер-
хами и пропадёт за воротами Зимнего дворца, а блаженная – вот она, рядом, по земле ступает. Посмотришь на неё, и будто тёплым ветерком душу овеет. Она ведь, голубушка, всё насущное потеряла, от всего отказалась, чтобы остаться наедине с Господом. Мало кому дана такая сила!

Ещё тогда, сидя под кустом в поле, он отчётливо понял, кто во граде Петровом настоящая царица, потому как сказано в Писании: *Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное*¹⁴. А она и есть самая настоящая блаженная, не будь он Маркелом Волчегорским, несчастным мужиком двадцати трёх лет от роду, с грудным младенцем на руках, у которого вот-вот помрёт жена. Он уже и место Фёкле на Смоленском кладбище присмотрел меж трёх тополей. Как родила она мальчонку, так и не встаёт боле. Видать, сломалось у неё что-то внутри. Подумав про Фёклу, Маркел почувствовал соль на губах. Глаза всегда сами слезу роняли, если Фёкла на ум приходила. Собрав последние копейки, он приводил к ней лекаря, да не абы какого, а самого лучшего в околотке. Положив крестное знамение на иконы в красном углу, лекарь кулаком помял Фёклин живот, заглянул в рот, а опосля изрёк, что лучшее средство от родильной горячки – пить холодный настой зверобоя и покрепче молиться.

Заради Фёклы со чадом Маркел готов был лоб расшибить, лишь бы Господь услышал и смилостивился, да не доходила его молитва до небес, видать, нагрешил много. Надобно, чтобы за Фёклу чистая душенька заступилась, такая, которую Господь в ладонях ровно птаху держит. Тут и пришло на ум побежать до разыскать ту, что просит Господа за всех, кто ныне плачет и корчится от горя. И разве может быть не услышана та молитва, если её с любовью произносят блаженные уста? А раз так, то обязательно должна Фёкла поправиться.

Он встретился глазами с блаженной, что смотрела на него с глубочайшим состраданием. И вдруг то ли почудилось, то ли впрямь – губы Ксении тронула еле заметная улыбка.

Маркела окатила волна от страха, перемешанного с надеждой. Дрожащей рукой он нашарил в кошеле копейчку и стал продираться сквозь толпу.

«Возьмёт – не возьмёт?» – кузнечным молотом стучало в висках.

Казалось, что за эту копейчку он сейчас покупает две жизни – Фёклину и сыновью, потому как младенец без матери навряд ли выживет.

– Господи, помилуй, – начал он бормотать молитву, но всё время сбивался со слов, потому что боялся упустить из виду белый платок, мелькающий среди людских голов.

Позади блаженной ехал возок с барынькой в седом парике. Привлекая к себе внимание, барынька зазывно махала платочком и что-то говорила низкорослому слуге, что стоял на запятках.

Отшвырнув попавшего под руку мастерового, Маркел прибавил ходу.

«Возьмёт – не возьмёт? Возьмёт – не возьмёт?»

На церкви Апостола Матфея заблаговестил колокол, вздымая в воздух стаю голубей. Сдёрнув шапку, Маркел закрестился, но шаг не умалил, и пока над Копорской слободой плыли медные звуки, ему хватило опередить барыню с повозкой.

«Возьмёт – не возьмёт?»

Протягивая блаженной монету, он зажмурился, сокрушённым сердцем предчувствуя неминуемую беду.

Ладонь словно бы птичка крылом задела. Взяла! Горячая радость облила Маркела с головы до пяток. Хоть и Господь судит живых и мёртвых, а всё же через людей сеет Он на

¹⁴ Мф. 5, 3.

землю Своё милосердие. Авось и не пришёл для Фёклы смертный час, раз блаженная не отказала, взяла копеечку.

Домой Маркел бежал так, что лошади по сторонам шарахались, а бровастый возница, видать, чумак из Малороссии, огрел кнутом поперёк спины.

«Взяла, взяла копеечку!» – пело и ликовало внутри, озаряя душу светом надежды. У дверей своей избы он увидел нескольких баб, что суетливо выметали голиками крыльцо, всё понял, схватился руками за изгородь и трубно завыл.

* * *

Государственный переворот в пользу императрицы Екатерины вызревал долго, а случился неожиданно-негаданно, полыхнув в тот момент, когда в особняк князя Дашкова прибежал запыхавшийся офицер с посланием к её сиятельству Екатерине Романовне Воронцовой-Дашковой. Письмо оказалось такой срочности, что Екатерина Романовна решительно отказалась пить кофе и заметалась по покоям, а потом кинулась к конторке, дабы начертать записку в несколько строк.

Слуги стояли наготове.

– Мундир подайте, в нем пойду, – кинула Екатерина Романовна и, не ожидая, пока тонкое сукно плотно обляжет плечи, выскочила на улицу, сразу окунувшись в тёплый июньский день с запахом сирени и медвяных трав, что пробивались на недавно заложенном газоне. Высоко в небе парила одинокая ласточка, в появлении которой Екатерина Романовна усмотрела добрый знак.

– Господи, подскажи! Я знаю, что поступаю правильно, но не остави меня одну пред ликом опасности! Оборони от злого рока! Не ради себя стараюсь, но радею за Отечество!

Екатерине Романовне Дашковой минуло осмнадцать лет, и она знала, что в офицерском мундире Преображенского полка выглядит похожей на нежного отрока с белой кожей и тёмными глазами. Но сейчас было не до любования и маскарада. Надобно поспешать, чтобы не сорвался тщательно продуманный заговор с целью возвести на Российский престол истинную матушку-государыню, иначе пропало Отечество под пятой сумасшедшего голштинного шута, признающего над Россией власть прусского короля. Дошло до того, что на балу, перед всем честным миром, Пётр встал на колени у портрета Фридриха Второго и заставил сановников кричать тому виват! И кричали! Отводили глаза, крутили кукиши в кармане, но кричали!

Одна императрица Екатерина Алексеевна нашла в себе смелость промолчать. Истинная государыня! Только она должна взойти на престол! Только она и никто более!

Дашковой запомнился беглый стук собственных башмаков по деревянному настилу и то, как замерла, увидев всадника в малиновом кафтане с золотым позументом, нёсшегося навстречу во весь опор. Таким плечистым и рослым мог быть только Алексей Орлов, брат Григория Орлова!

Не чуя под собой ног, она кинулась навстречу:

– Алёша, любезный друг, поручик Пассек арестован!¹⁵

– Знаю! – Рванув за узду, он осадил коня, коротко всхрапнувшего. От морды животного летели клочья пены. От бешеной езды парик на голове Алексея Орлова съехал на затылок, приоткрывая полоску тёмных волос. Злым голосом он коротко бросил: – Надо действовать немедленно, иначе голова с плеч! И императрицу погубим, и себя.

Екатерина Романовна побледнела:

¹⁵ Пассек Пётр Богданович – командир гренадёрской роты Преображенского полка, случайно проговорившийся о подготовке заговора (1762 г.). Позднее – государственный деятель.

– Да, ты прав! – Придерживая рукой шляпу-треуголку, она запрокинула голову, глядя на Орлова снизу вверх. – Я послала записку жене Шкурина¹⁶, чтобы наняла карету для государыни и сообщила мужу держать её наготове. Шкурин неотлучно находится при императрице, подаст сигнал в случае опасности.

Говоря, она задыхалась от нетерпения. Страха не было, лишь в висках билась и пульсировала единственная мысль: «Успеть бы! Пан или пропал!»

* * *

Карета, нанятая Дашковой, словно птица летела по улицам Петербурга.

«Поберегись, поберегись, поберегись», – выстукивали по мостовой копыта четверика лошадей. Хотя белые ночи шли на убыль, света хватало, чтобы рассмотреть каждый камешек, что мог ненароком попасть под колёса и повредить тележную ось.

От быстрой езды карету шарахало из стороны в сторону. Привстав на козлах, возница поднял хлыст и поддал ходу. Шкурина сказала, что озолотит, если домчит в Петергоф за пару часов. Дело, видать, срочное и опасное. Барыня от волнения была сама не своя: причёска расчёпана, платье в беспорядке. Барыней Шкуруину повеличал больше по привычке, из уважения к дворцовой прислуге, ибо не каждому выпадает счастливый билетец питаться с царского стола, а то и потомственное дворянство выслужить.

Вспомнив про царицу, что проживала сейчас аккурат в Петергофе, он почувствовал, как по горячей спине проскользнул холодок тревоги. Уж не в заговорщики ли попал? Хотя новый император Пётр Третий и упразднил Тайную канцелярию, но возглас «Слово и дело»¹⁷ накрепко застрял в мозгу рассказами о пыточных комнатах с калёным железом и страшной дыбой под потолком. Любой горожанин от мала до велика трепетал от особняка Тайной канцелярии, что на Садовой улице. Не далее как вчера в трактир забрёл увечный калека без языка. Выпрашивая подавание, бедолага невнятно мычал и тряс головой, изъеденной чешуйчатым лишаем.

– Видал, Архип, что с людьми в пыточных комнатах делают, – коротко молвил трактирщик, кивнув на увечного, но и этого хватило, чтобы лоб стал влажным от пота.

Близ моста через Неву стояла женщина в красной юбке и зелёной кофте. Блаженная Ксения, вспомнил он её имя, вроде бы как вдова певчего.

Он и прежде видел её то на Петербургской стороне, то на Васильевском острове. Не зашибить бы ненароком. Не дай бог, лошади взбрыкнут, и быть беде. Острый глаз возницы успел усмотреть, что юбка рваная по краям, а кофта истрепалась чуть не в лохмотья. Говорят, встреча с ней может принести удачу.

«Слава тебе, Господи! – Перехватив вожжи в левую руку, возница быстро перекрестился. – Если получу обещанное жалованье за поездку, то десятую долю от щедрот раздам на паперти», – походя загадал он, потому что более думать времени не было – надобно поспешать, раз подрядился исправить службу.

¹⁶ Шкурин Василий Григорьевич – камердинер Екатерины, позже камергер, тайный советник, член Вольного экономического общества.

¹⁷ Слова, которые в России XIV–XVIII вв. означали, что человек, выкрикнувший их, хочет дать важные показания о государственной измене. На возглас «Слово и дело!» немедленно являлась стража, начиналось следствие, как правило, с применением пыток.

* * *

Наплавной Исаакиевский мост колыбался под напором тысяч ног, бегущих в сторону Зимнего дворца. Тяжёлые волны гулко хлюпали о борта барок, на которые опирался деревянный настил. Барок было ровным счётом двадцать девять, а барочных досок разных мер – три тысячи сто семьдесят семь. Старики вспоминали, что после смерти царя Петра Великого светлейший князь Алексахка Меньшиков велел изничтожить мост, чтобы новый государь не смог вывезти богатства из его дворца на Васильевском острове. Алексахке хитрость не помогла, но опосля цельных пять лет добраться до Васильевского острова можно было только перевозом по воде. Заново мост возвели по приказу недоброй памяти Анны Иоанновны и за движение драли пошлину – копейку с пешего али верхами, а с возов да карет ажно по пятаку.

Спасибо царице Елизавете Петровне, что отменила мостовые деньги за переход. Хотя если подумать, то сколь много лодочников тогда кормилось за счёт перевоза, а нынче глядь – стоят одни баркасы для крупных грузов да шныряют лайбы¹⁸ чухонцев, приезжающих торговать на столичные рынки.

Чтобы не замаяла толпа, Маркелу Волчегорскому пришлось прижаться спиной к перилам моста. С тех пор как похоронил жену и остался один с ребёнком, он стал бояться случайностей. От случайной мысли, что его Егор может остаться сиротой, сердце обливало ужасом. Он едва не сверзился головой вниз, когда с ноги соскользнул чёбот.

– Эй, дядька, не зевай! – весело выкрикнул пострелёнок в холщовом рубище. Подскочив ужом, он успел спасти пропажу и весело подкинул вверх.

Одной рукой Маркел перехватил чёбот:

– Спаси тебя Христос!

Пока переобувался, люди толкали в спину и в бока. Казалось, что в это утро Петербург превратился в растревоженный пчелиный рой, что гуртом собирается вокруг своей матки. Бежали мужики, бабы, девки. Матери на закорках тащили малышей. Проталкивались вперёд босоногие ребятишки.

Где-то за спинами мастеровых ему почудилось знакомое лицо блаженной, очень спокойное посреди всеобщего кипения. Как всегда, она была одета в красную юбку и зелёную кофту. Маркел подумал, что надобно держаться поближе к ней, чтоб в случае чего оборонить от толпы. Но его уже оттеснили к другому краю.

– Царицу убили! – вдруг выкрикнул чей-то голос посеред людского моря.

– Заговор, заговор... – пролетел по головам шёпот и стих в водовороте толпы.

– Не зря проклятуший Пётр Третий Миниха с Бироном вернул, снова грядут кровавые времена! – возбуждённо вещал господин в старомодном парике. Толпа влекла его вперёд. – Помяните мои слова: быть худу!

– Слово и дело! – петухом клёкнул невзрачный мужичонка в лаптях без онучей. Видать, забыл накрутить второпях.

Два рослых парня шутейно ткнули мужичонку под бока:

– Доносчику первый кнут!

И почти сразу, перекрывая звуки, коровьим рожком загудел густой бас, ровно диакон молитву вывел:

– Да здравствует государыня Екатерина Вторая!

– Да здравствует!

– Виват императрице!

– Виват! Виват! Виват! – вихрем закрутилось в накалённом воздухе.

¹⁸ Лайба – большая двухмачтовая лодка с косыми парусами (на Балтийском и Белом морях, Днепре, Днестре).

Казалось, высеки искру, и мост полыхнёт ярким пламенем вместе со всем честным людом.

На Петропавловской крепости пробило десять часов. И вдруг стало боязно: куда-то сейчас пойдёт Россия-матушка? Вправо ли свернёт, к голштинцам, влево ли, замиряться с королём шведским, либо двинет прямо, своим путём, до сибирских лесов, не оборачиваясь и не оглядываясь?..

Крики на Дворцовой площади нарастали, и скоро неясный гул перерос в громадный вал тысячи глоток, что дружно орали единое имя:

– Екатерина! Екатерина!

Вдруг откуда ни возьмись навстречу рванулась ватага мальчишек, и каждый пострелёнок прижимал к животу островерхую шапку, похожую на шутовской колпак.

– Откель несётесь, как заполошные, поди, ограбили кого? – растопырила руки баба в широком сарафане, расшитом понизу красной тесьмой.

– Не бойсь, тётенька! – звонко выкрикнул один, самый мелкий. – Это солдатики выбрасывают прусскую форму, требуют, чтобы каптенармусы старую со складов возвертали! А ты, тётенька, беги шибче, не то опоздаешь, купцы на радостях вдоль проспекта бочки с пивом выкатывают. А новая царица уже молебен в Казанском соборе отслужила. Туда четыре полка пехоты подошло да артиллерия с пушками! Вот потеха!

Маркел охнул:

– Слава Тебе, Господи! Не свершилось смертоубийства, жива царица!

Сорвав шапку, Маркел перекрестился и тут заметил, что крестится не один, а вместе со всем народом.

* * *

«Нет, время не шло – оно летело, подобно пуле, выпущенной из первоклассного штуцера. Давно ли на трясущихся ногах провожал супружницу на Смоленское кладбище, а глядь, четыре года пролетело, – подумал Маркел Волчегорский. – И слава Тебе, Господи, за великую милость, что послал на порог добрую кормилицу, не дал погибнуть сыну-малютке».

В тот страшный день за окном выла буря, поворачивая вспять волны залива. И он тоже выл, обхватив руками голову, потому что в люльке умирал сынок Егорка. Малодушно думалось, что надобно пойти к целовальнику и напиться в хлам, чтобы не смотреть, как в последний раз шевельнётся бледный ротик, похожий на крошечного червячка. Соседская жёнка пыталась покормить Егора, но он не брал грудь, токмо безучастно смотрел огромными голубыми глазами, словно просился на небо к новопреставленной мамушке. Стук в дверь раздался вместе со стуком ветра о ставни. Маркел не удивился незваному гостю – в доме умершего двери всегда отперты для поминок. Но вошедшая женщина с ребёнком пришла не наниматься в плакальщицы. Положив низкий поклон, она без сил опустилась на пол возле печи, покачала своего младенца, завернутого в тряпье, и едва слышно проговорила:

– Не выгоняй, хозяин, дай ночь пересидеть, а то мою избёнку в реку смыло.

Он поднял голову и налитыми от слёз глазами поглядел на бледное лицо в тёмном платке, с трудом признавая в пришедшей вдову золотаря Неонилу, что жила на Мокруше, вблизи болотной протоки. Была она бабой бойкой, нахрапистой, из тех, что лучше за версту обойти, чем парой слов перемолвиться. Срамно сказать, но пару раз он видел, как простоволосая Неонила наподобие мужика к бражке прикладывалась. Ещё подумал: не дай бог с такой окаянной женой повенчаться.

С трудом ворочая языком, он спросил, только для того, чтобы не молчать:

– Как смыло избу? Почему?

Она пожала плечами:

– Знать, Бога прогневили. Вода нынче поднялась, подтопила берег, вот наш домишко и ополз в яму. Сама не пойму, каким чудом мы с Любушкой успели спастись. Видать, пригодимся ещё кому-то на этом свете.

Словно поняв, о чём говорят, девчонка в свивальниках выгнулась дугой и заорала благим матом. И, о чудо, в ответ на её ор тихонько блямкнул жалобный писк Егорушки.

Неонила встрепелась:

– Никак у тебя там дитё?

– Сынок умирает, – едва ворочая губами, произнёс Маркел и без всякой надежды сказал: – Мамка померла, а без неё младенец не жилец. Счастье, что окрестить успели. К утру придётся новый гроб колотить. Из дубовых досок сделаю.

– Окстись, живого хоронить! – возмутилась Неонила. – А ну-ка дай мне ребетёнка! – Её голос внезапно окреп.

Ткнув Маркелу в охапку свою вопящую девку, она подошла к люльке и вытащила Егора:

– Иди ко мне, желанный, дай я тебя приголублю.

Маркел закрыл глаза, а когда открыл, то Егор лежал у Неонилиной груди и сладко причмокивал.

В благодарность Неониле, что помогла сына выпестовать, Маркел поставил ей новую избёнку. Хоть и невелика – чуть побольше баньки, а всё же свой угол. За добро надобно добром платить, а оно в свой черёд порождает новое добро, и идёт тогда человеческая жизнь по-людски, без смертных грехов.

Не зря блаженная Ксения взяла его копеечку, ой не зря. А ведь спервоначалу орал, кулаком грозил, корил небо за жену и опомнился, лишь когда Егорка на ножки встал и, держась за отцовский палец, протопал на крыльцо. До сих пор приходится в церкви каяться за своё неверие да злые словеса. Простит ли Господь?

* * *

Маркел посмотрел на белую головёнку сына, торчавшую из кадушки, изготовленной для погребов графа Строганова, и нарочито строго прикрикнул:

– Эй, Егорка, смотри, не балуй, сия кадушка под солёные грибы заказана, а не для мальцов!

– А вот и для мальцов! А вот и для мальцов! – тугим, валяным мячиком запрыгал Егорка.

Маркел обтёр руки о тряпицу и подошёл к жонке солдата из Пушкарской слободы, что приценивалась к кадушке под кипятик. Харитина была бабёнкой разбитной, прилипчивой, поэтому Маркел держался с ней настроже. Не ровён час, брякнет кто её мужу, что бондарь на чужих жён заглядывается – не отмоешься от греха. На всякий случай он придвинулся ближе к своему мальчонке и живым щитом взял того на руки.

Харитина понятливо усмехнулась:

– Не бойся, не съем. У тебя костей много, а я мягоньких люблю. Сколько за эту бадейку запросишь? – она указала на кадушку в самом дальнем углу. Надо сказать, глаз на товар у неё был намётан. Сразу самую лучшую вещь углядела.

– Рубль с полтиной возьму, бо из первоклассного дуба сработана. До следующего царствия достоин, – похвалил товар Маркел. – У меня подобную голландский шкипер купил с торгового судна. Головой качал да языком цокал.

– Скинешь цену на пятак – возьму.

Харитина подбоченилась, как бы невзначай приподнимая подол юбки, чтобы показать новые берёзовые лапотки, ладно выpletенные по размеру. Знала, что хороша в зелёном сарафане (крапивой крашен) да со связкой стеклянных бус на груди.

«Хоть в пляс пускайся», – сердито подумал Маркел и, чтобы грешные мысли не лезли в голову, согласно кивнул:

– Забирай бадейку. Поступлюсь пятаком, но ежели увидишь у себя в слободе блаженную Ксению, то кланяйся ей от меня.

– А чего ж не увидеть? Увижу. Она частенько мимо моей избы ходит. Правда, в последнее время сама не своя. Плачет и плачет.

– Плачет? – Широко шагнув, он оказался напротив Харитины. – Может, обидел кто? Разузнай да мне скажи! Уж я разберусь с обидчиком!

Обняв бадейку, Харитина пожалала плечами:

– Мы её тоже пытали, что, мол, Андрей Фёдорович, плачешь? Зайди, угостись щами, а то и пирожок возьми.

– А она?

– А она пуще слезами заливается да твердит одно: «Кровь, кровь. Там реки налились кровью.

В каналах кровь». Мы с бабами так и не уразумели, о чём она балакала. Одно слово – блаженная. Мало ли что ей в голову взбредёт?

– Это из твоей головы, Харитина, думки вылетают, что дым через трубу, – сказал Маркел, – а Ксения зазря плакать не будет. Помяни моё слово, что страшная весть уже не за горами.

* * *

Через три недели после пророчества блаженной в Шлиссельбургской крепости, что запирает водный путь в стольный град, был убит тайный узник. Его имя находилось под запретом, и в бумагах узник числился как «неизвестный арестант». Годовалым младенцем он утратил свободу ещё в правление царицы Елизаветы Петровны, и его осязаемый мир состоял из тюремных стен, звука шагов часовых, стука ложки об оловянную посуду и облаков, летящих за решётчатым оконцем, что зимой покрывался инеем, а летом сочился каплями влаги. В Шлиссельбург узника доставили четырнадцатилетним мальчишкой, дрожащим от страха и одиночества, и десять последующих лет слились для него в бесконечность, подобную серым водам вокруг высокого крепостного вала.

Узника хорошо кормили и добротню одевали, но ничья рука не протягивалась к нему с лаской и ничей голос не нашёптывал на ухо добрых слов. От жизни в постоянной полутьме его кожа приобрела матовый оттенок пергамента. Рыжеватые волосы спускались на шею путаной гривой.

Указ запрещал стражникам разговаривать с заключённым, но он откуда-то выучился читать и попросил принести себе Библию. Ещё он знал, что его зовут Иван и что он государь Российской империи Иоанн VI¹⁹. Кто сообщил ему сиё, осталось неизвестным, потому что одним из первых указов императрица Елизавета Петровна повелела стереть память о существовании царя Ивана через изымание денег с его профилем и уничтожение документов с его именем. Лица, у которых обнаруживали монеты Иоанна Антоновича, подвергались пытке и ссылке как государственные преступники.

Опасение, что узник вырвется на свободу, оказалось столь велико, что коменданту крепости поступил приказ при попытке освобождения арестанта ононого умертвить и живым никому в руки не отдавать. Взойдя на престол, Екатерина Вторая оставила положение узника без изме-

¹⁹ *Иван VI* (Иоанн Антонович) – правнук Ивана V, брата царя Петра Великого. Императрица Анна Иоанновна хотела оставить трон за потомками своего отца Ивана V и очень беспокоилась, как бы он не перешёл в будущем к потомкам Петра I. Поэтому в завещании она оговорила, что наследником является Иоанн Антонович, сын племянницы Анны Леопольдовны. Спустя год после воцарения младенца в стране произошёл переворот. Дочь Петра Великого Елизавета арестовала регента Остермана, императора Иоанна, его родителей и всех их приближённых.

нений, хотя и питала надежды, что он вскорости примет постриг в монастыре. Но как ни тщились охранники хранить тайну неизвестного арестанта, она сумела просочиться наружу и сделалась известной подпоручику гарнизона Шлиссельбургской крепости Василию Яковлевичу Мировичу²⁰.

* * *

Всю долгую ночь подпоручик Мирович писал царский манифест. Рвал бумагу, бросал перо, метался из угла в угол и снова садился писать. За окном стояло мутное марево уходящих белых ночей, зудело комарьё, шумели листьями редкие деревья вдоль плаца внутри крепости. Глядя на огарок свечи в медной плошке, он впитывал в себя эти звуки, чтобы запомнить момент, который перевернёт судьбу империи наподобие песочных часов. И каждая песчинка тогда станет драгоценна, потому как отсчитывает первые минуты царствия нового императора Ивана Шестого. Говорят, историю вершат цари. Нет! Историю вершат сильные личности и гении.

Ощущение опасности заставляло кровь бурлить в жилах. Внутреннее нетерпение переходило то в панику, то в ледяное спокойствие. Мирович схватил со стула кафтан, шляпу, шпагу. Пристегнув шпагу, поднёс к глазам руку и посмотрел на пальцы. Длинные, ровные, с плоскими лунками ногтей. Завтра эта рука ничтожного подпоручика Смоленского полка станет могущественной дланью второго человека в империи. Её будут лобзать благодарные народы, свободные от ига несправедной власти.

Одёргивая мундир, Мирович мельком вспомнил о прадеде, что служил гетману Мазепе и сбежал в Польшу, и о сосланном в Сибирь отце. Тот был уличён за тайные поездки в Варшаву. Злой рок, нависший над его семьёй, должен быть повержен. Оставалось всего ничего – поднять гарнизон в ружьё, отдать солдатам приказ арестовать охрану тюрьмы и принудить коменданта освободить законного императора Иоанна Антоновича.

И задуманное шло как по маслу! Растерявшиеся солдаты, повинуясь команде, наставили оружие на тюремщиков.

– Вперёд, ребятушки! – крикнул Мирович, почему-то представив себя на коне впереди войска. Со шпагой наголо и пистолетом в другой руке он ворвался в тёмное узилище, состоявшее из длинного коридора с железными дверями по обе стороны.

Тайная комната была точно здесь! За спиной его толпились солдаты.

У двери, обитой железом, он остановился:

– Сдавайтесь! Именем государя!

– У нас государыня, – глухо раздалось из камеры, словно из-под гнёта в дубовой бочке.

Ответная тишина отдалась толчками сердца о рёбра. Там два охранника, не откроют – обоих ждёт пуля. Резкий вскрик за стеной ударил картечью по натянутым нервам.

Переведя дух, Мирович воскликнул вдругорядь:

– Отворите именем государя, иначе прикажу стрелять из пушки шестифунтовым ядром!

– Не стреляйте, сдаёмся.

Дверь каземата распахнулась, и в полной темноте угадалась фигура охранника.

– Огня! Подайте свечу! – закричал Мирович, не узнавая своего ликующего голоса. Действуя почти вслепую, он навёл дуло пистолета на охранника. – Подите прочь, душегубы, иначе сделаю вам расчёт! Грядёт новый государь и новый век для России!

Фигура отшатнулась, и почти тотчас над головами солдат промелькнул тусклый отблеск фонаря, которой передавали из рук в руки.

²⁰ *Мирович Василий Яковлевич* (1739–15.IX.1764) – подпоручик Смоленского пехотного полка, организатор неудавшегося дворцового переворота 1764 г. в России в пользу Ивана VI Антоновича.

Мерцающий луч озарил лицо охранника с безумным взором человека, находящегося в крайнем потрясении.

Прежде чем ворваться в узилище, Минович ударил его в лоб рукоятью пистолета. Другой охранник жался к стене. Круг света от фонаря качнулся по полу, и Минович увидел там в луже крови распостёртое тело. «Не может быть! Государь?! Как же так?!» – точным выстрелом ужас прокатился по мыслям и застрял пулей в груди.

Не помня себя, он рухнул на колени и облобызал руку покойника. Грязную, со сломанными ногтями, что царапали в агонии доски пола. От собственного воя у Миновича заложило уши:

– Бессовестные!! За что пролили невинную кровь?!

Уже без сопротивления – всё было кончено – он позволил себя разоружить и взять под караул.

* * *

– А ну, живо слезай да пятками не елозь! – прикрикнул Маркел на Егорку, когда сын взобрался на тополиную ветку, опасно скрипнувшую под его весом. – Уши надеру!

Хотя знал, что не надерёт. Не любил он ни драк, ни ссор, ни крови из разбитого носа. Курице и то через силу топором голову тюкал да старался так, чтоб животина не мучалась. Его передёрнуло от мысли, что на сегодня назначена казнь изменщика Миновича. Указ об этом глашатаи до хрипоты зачитывали на всех углах: «Собрание вынесло приговор: Миновичу отсечь голову и, оставя тело его народу на позорище до вечера, сжечь оное вместе с эшафотом. Из прочих виновных разных нижних чинов прогнать сквозь строй, а капралов сверх того написать вечно в солдаты в дальние команды».

Осерчав, Маркел с размаху насадил на бочку остатний обруч и обтёр руки о тряпицу. От мыслей, что в паре вёрст отсель построено лобное место, на душе становилось муторно. Как можно щи хлебать, ежели в эту самую минуту палач топор точит? Худо, ох худо! Не то чтобы он жалел заговорщика – смута государству Российскому не надобна, но зря в Сенате решили людской кровушкой городскую землю орошать. Лучше бы изменщика в крепость заточили на веки вечные, замест Иоанна Антоновича, коего по его недомыслию жизни лишили.

Весть о казни поручика Миновича разнеслась по городу, когда Маркел доставлял бочки в лаболаторию (слово-то какое! Язык сломаешь!) господина Ломоносова, что на Второй линии Васильевского острова. Сам Михайло Васильевич, в парике и кафтане, в то время изволил беседовать о чём-то с двумя мастеровыми и на его поклон ответно кивнул, не побрезговал. Сразу видно, что свой человек, из простых мужиков, не кичливый.

Бочки принимала стряпуха Ольга с обвислыми щеками и ловкими толстыми пальцами, умевшими отменно квасить капусту и упаривать в меду репу с брусникой.

Отсчитывая медные пятаки, Ольга невзначай спросила:

– Пойдёшь на Сытнинскую площадь смотреть, как офицеру голову рубить будут?

Он обомлел:

– Окстись, мать, на Руси двадцать два года как не казнят.

Ольга норовисто фыркнула, навроде собаки, когда кость не по нраву:

– Да ты никак глухой, Маркел? Глашатаи лужёные глотки сорвали, выкрикивая указ императрицы, а тебе, окаянному, всё нипочём.

– Закрутился с мальцом да с работой, – оправдался Маркел, – недосуг было нос из мастерской высунуть.

И немедля решил, что ноги его на Сытнинской не будет. Недоброе то дело – на чужие муки смотреть, хоть бы и преступника. Решить-то решил, а всё одно пошёл, потому как по пути домой встретил блаженную Ксению, что стояла у забора избы артельного старосты и смотрела

на него долгим взглядом. Он в пояс поклонился, но заговорить не решился. И она молчала, потом отвернулась и пошла, а опосля остановилась и ребром ладони легонько так по доскам рубанула.

Может, просто так стучала, может, мошку в траву сбросила, но он почему-то истолковал её намёк по-своему, тем более что был памятен случай, как она Прасковье Антоновой на богоданного сыночка указала. Соседка языком чесала, что заглянула блаженная к Антоновой да и говорит:

– Вот ты тут сидишь, чулки штопаешь, а не знаешь, что тебе Бог сына послал. Беги скорее на Смоленское кладбище!

Сперва Параскева заартачилась, какой может быть сын, коли она уже в возрасте да без мужа, но всё ж таки не осмелилась перечить, побежала. А там! Батюшки светы! Беременную бабу повозка сбила. Возчик стоит, орёт благим матом, бороду на себе рвёт, под телегой мёртвая лежит, а рядом только что народившийся младенец корчится.

Теперь тому мальчонке уже десятый годок скоро. Антонова на него не нарадуется и матушку Ксению где только может прославляет.

Вдруг и он, Маркел, по подсказке блаженной обретёт счастье? Не век бобылём куковать, да и Егорке нужна мать добрая. Грех жалобиться, свахи к нему во двор заглядывали, но он без любви не хотел невесту высватывать. Решил положится на волю Божию.

* * *

Эшафот на Сытнинской площади²¹ сколотили за три дня. Сперва возвели помост на столбах, потом, словно в издѣвку, размалевали доски смолой, что лодки конопатят, а напоследок подрядчик послал рабочих в обжорные ряды выкупить у какого-нибудь мясника колоду, подходящую для рубки человеческих голов.

Народ на рынке от посыльных как от прокажённых по сторонам брызгал, едва узнавал, что за дело их сюда привело. Свят-свят-свят! Говорят, кое-какие мясники попрятались с испуга, что покупатели разбегутся, если про них пойдёт недобрая слава. Насилу разыскали колоду шириной в обхват. Сторговались за десять рублей – цена дикая, ну да деньги казѣнные, чего их жалеть.

Молодая барынька при виде колоды в обморок брякнулась, пришлось водой отлить. Пока тащили колоду на таратайке, сзади бежали огольцы с посвистом да улюлюканьем. Одному из работников два раза пришлось кулаком грозить, чтоб ватага отстала подобру-поздорову.

Когда около новенького эшафота на ночь поставили солдат в караул, Петербургская сторона притихла. И страшно людям было, и любопытно, и жалостно. Говорят, преступник-то совсем молоденький, ведь чей-то сын, чей-то жених, чей-то брат. Многим в тот день вспомнилось, как в июле месяце блаженная Ксения слезами заливалась да кричала про кровь. Те, кто зашёл в храм Святого апостола Матфея²² и Покрова Пресвятой Богородицы, видели, как стояла она на паперти и горестно взирала в сторону Сытнинской площади.

– Не горюй, Андрей Фёдорович, авось помилование выйдет, – пробормотала ей в спину высокая женщина в синем платье и белом платке.

Погружённая в свои думы, блаженная не ответила. Оперлась на посох и побрела по своему обычному кругу.

²¹ В петровском Петербурге так называли территорию у Сытного рынка, где проводились казни. В XVIII в. эшафот устанавливали за Кронверком. В последний раз публичная казнь на этой площади состоялась 15 сентября 1764 г. Другое название площади – Обжорка.

²² Утраченный храм Святого апостола Матфея и Покрова Пресвятой Богородицы, архитектора Доменико Трезини, располагался по адресу ул. Большая Пушкарская, д. 35. В 1932 г. по решению Ленгорисполкома храм был взорван.

– Небось к Голубевым пошла, – сказала женщина, перехватив взгляд краснощёкой молодки в салопе и рогатой кике. – Они её особо привечают. Знаешь Голубевых?

– Нет. – Молодка затрясла головой так, что медные серьги в ушах забрякали. – Я, тётенька, не местная. Вчера барыня из деревни привезла.

– То-то я и вижу, что ты по облику деревенская. – Женщина осмотрела молодку с ног до головы. – И у каких же господ ты служишь?

– У Мартыновых. Вон там, – вытянув палец, молодка ткнула им в направлении переулка. – Муж мой кучер, а я в стряпухах хожу.

Женщина понимающе кивнула:

– Знаю Мартыновых. Почтенное семейство. Они недалеко от Голубевых живут. Слыхала небось, какая с их дочкой история приключилась?

– Откудова? – Хотя глазёнки заблестели от любопытства, молодка уважительно склонила голову: – Буду рада, тётенька, ежели обскажешь мне про ваши дела. Мабудь, я тут надолго задержусь.

– А что не рассказать? Расскажу. А ты слушай и на ус наматывай. Голубевы те вдвоём живут – мать-вдова да дочка. Хорошая барышня, смиренная да приветливая. Никогда слова поперёк не скажет и собой хороша. Да ты её скоро сама увидишь, раз соседствуешь.

– Знамо увижу, – поддакнула молодка. – Я приметливая.

– Слушай дальше. – Женщина медленно пошла по улице, и молодка засемила сзади, боясь пропустить хоть слово. – Вздумалось раз старшей Голубевой с дочкой кофею выпить. Только воды вскипятили, сесть ещё не успели, как глядь – к ним в дом стучит блаженная. А они завсегда рады Ксенюшке. И за стол усадят, и перинку подстелят. Хотя врать не стану, про перину я ради красного словца сказала.

«Садись с нами, Андрей Фёдорович, кофею отведай», – говорит Голубева.

А блаженная наша на неё и не глядит, а сразу к дочке подступает: «Эй, красавица, вот ты сидишь тут, кофе варишь, а муж твой жену на Охте хоронит. Живо беги туда!»

Барышня вроде как стала отнекиваться: «Какой, мол, муж, Андрей Фёдорович? У меня и жениха-то нет. А тут какой-то муж да какую-то жену хоронит».

А Ксения не отступает. Серчать начала, посошком об пол пристукнула: «Беги, и всё тут!»

Делать нечего. Голубевы перечить не посмели. Наняли возчика, ибо Охтинское кладбище от наших краёв не ближний свет, да и поехали. Едут, сами не знают – зачем.

Глядь, а у ворот дроги стоят, мужики на полотенцах гроб несут, крики, вопли. Кладбищенские плакальщицы песню тянут, хоронят молодую жену доктора, что умерла от родов. Царствие ей Небесное. – Женщина перекрестилась. – Да что зря толковать, сама знаешь, как покойников провожают.

– Да-да, – горячо поддержала молодка. – А потом что случилось? Уж больно ты, тётенька, интересно рассказываешь.

– Дальше ещё интереснее будет, – подкинула дровишек рассказчица. По всему видно, что история сказывалась не единожды. Она дождалась, когда молодка вся превратилась в слух, и, нарочито растягивая слова, продолжила: – Только Голубевы подошли к могиле, тут бряк – им прямо на руки молодой мужчина без чувств валится. Едва подхватить успели. Оказалось, что он вдовец и есть. Ну, Голубевы его, как могли, утешили, под руки поддержали, одежду оправили. Барышня Голубева душевная, она и сама всплакнула. Слово за слово, пригласили они доктора заезжать в гости, чтобы поддержать в горе. Это уж год тому назад было. А нынче барышня Голубева под венец идёт. И кто ты думаешь жених?

– Доктор! – в восхищении всплеснула руками молодка. – Ну и ну!

Лицо рассказчицы расплылось в довольной улыбке, но она тут же нахмурилась:

– Заболталась я с тобой. Прощевай, соседушка. Побегу ребят спать положу, чтоб завтра пораньше на Сытном рынке место занять и смотреть, как изменщика будут казнить или милловать.

* * *

Едва занялось солнце, народ стал стекаться к Сытнинской площади, что напротив второго Кронверкского моста. Ночь простояла холодная, сентябрьская, но листва с деревьев ещё не опала, бурно пламенея угасающим разноцветьем. Словно желая напоследок потешить взор осуждённого, по лазоревому небу плыли молочные облака, которые солнце слегка подкрашивало медным золотом.

Через каждые несколько шагов стояли полицейские посты; с той стороны, где ожидалось прибытие обер-полицмейстера, дворники мели голиками дорогу. Лавки заперты.

Благородные барышни сидели на крышах карет, девки попроще карабкались на водовозные бочки. Малышей родители сажали на плечи. Вцепившись липкими ручонками в родительские волосы, малыцы облизывали леденцы на палочках и счастливо улыбались нежданному веселью.

Оставив сына под присмотром соседской старухи, Маркел пришёл рано. Успел намять бока в гуще людей, поглядел на лобное место и решил не дожидаться казни, а повернуть обратно к дому. Но не тут-то было! Народ напирал и справа, и слева. Маркел сумел раздвинуть плечом сцепившихся в драке мужиков. Откинул за шкирятник юнца, который запустил ему в карман руку, и, изрядно утомившись, наконец пробился к мосту.

– Везут! Везут! – прокатилось по враз умолкнувшей толпе, когда меж строя солдат показались две полицейские кареты.

Маркел поймал себя на том, что глядит не на арестанта, а в створ площади, высматривая фельдъегеря с грамотой на помилование.

Внезапно забили барабаны. Раздалась команда:

– Смирно! На караул!

Из Петропавловской крепости выехали офицеры верхами, а за ними телега с арестантом в голубой шинели и священником. Тёмные растрёпанные волосы арестанта пушил ветер.

– Какой молоденький! Какой хорошенький! – загомонили бабы и девки.

«А ведь ежели не подспеет помилование, то скорёхонько эта голова будет лежать в корзине. А зеваки разойдутся по домам чай пить», – тягостно подумал Маркел.

Сёстры над ним завсегда трунили, что силища в руках невероятная, а душа жалостливая, как у малого дитятки.

Как ни старался отводить глаза, а увидел, что обречённый вылез из телеги и взошёл на эшафот.

– Кланяется, кланяется, – летело по толпе, которая толковала каждое движение Мировича. – Прощается. Крест целует. Палач топор берёт.

– Да где же фельдъегерь?! – вслух взмолился Маркел, уже понимая, что никакого помилования не придёт и время вспять не повернётся.

Палач замахнулся, затем топор пошёл вниз, и люди вдруг в единую глотку закричали, задвигались, налегая на перила моста. От содрогания толпы мост покосился, и те, что стояли с краю, посыпались в ров с бурой грязью, как поленья с воза.

Вдалеке у берега глаз Маркела заметил красную юбку и зелёный шушун, какой носила блаженная. Цепляясь руками за скользкий берег, женщина барахталась и не могла выбраться.

Не раздумывая, он прыгнул в тёмную жижу с россыпью жёлтых листьев:

– Держись, милая, сейчас подсоблю!

Недавно дули ветра, и воды во рву набралось примерно по пояс. Слава Богу, не столько, чтобы кто-то утонул.

Красная юбка колоколом пузырилась на воде. Маркел подгрёб в тот момент, когда женщина обессилела. Мигом выскочив на берег, он двумя руками подхватил утопленницу под мышки и рванул вверх.

Её тело было совсем лёгким. От резкого толчка Маркел завалился на спину, опрокинув свою ношу на себя. Ему в лицо глянули большие серые глаза с поволокой. Мокрая коса попала под руку. С русых волос надо лбом каплями катилась вода. От вида красавицы Маркел обомлел и разом утратил дар речи.

* * *

Долгими осенними вечерами Маркел вспоминал спасённую девушку. Снова и снова возвращаясь в окаянный день казни, он представлял себе глубину серых глаз под стрельчатыми бровями и слышал негромкий голос: «Спаси Бог тебя за твою милость. Это я за пустое любопытство наказана. Ждала, что придёт помилование. Грешно смотреть на чужие муки».

Он хотел сказать, что и сам так думает и тоже ждал помилования! А ещё добавить, что девушке надо скорее бежать в тепло, потому как от ледяной воды со студёным ветром прохватит спину и надолго привяжется лихоманка. А пуще всего он хотел бы сам отвести её в безопасное место и усадить возле печи. Про себя посетовал на её родню, что отпускают такую красавицу одну, да на такое зрелище, что девичьим глазам смотреть непотребно.

Опустив взор в землю, она спросила:

– Назови своё имя, чтобы знать, за чьё здравие свечи ставить.

– Маркел Волчегорский, – и зачем-то добавил, – бондарь.

– А я Наталья.

Поклонилась и ушла. А он остался стоять, одуревший и мокрый до нитки.

Какая-то она была особенная: вроде бы обычные глаза, обычные брови, обычная коса до пояса, а всё вместе – необыкновенное, не такое, как у других баб. И выговор у неё был не деревенский. То ли обедневшая барыня, то ли прислуга в богатом доме, но одета слишком потрёпанно. У блаженной Ксении и то одежонка поновее будет. Сплошная загадка без разгадки.

Маркел поганой метлой выгонял из головы ненужные мысли, загружал себя работой, возился с сыном, а нет-нет да и кольнёт в памяти серый сентябрь, разрубленный топором палача на Сытнинской площади.

«Кровь, везде кровь!» – плакала Ксения блаженная. Не дай Господь исполнится её пророчество ещё раз и мостовые вымоются людской кровушкой. Почему-то представлялись страшные железные птицы в небе, что сыплют на город разящие стрелы, и огромные пушки, изрыгающие огонь, а кругом куда ни глянь – разорванные в клочья женщины и дети. Свят-свят-свят, не приведи Господи!

Маркел бросил заглядывать в кабаки и стал чаще ходить в церковь, по-отчески радуясь, когда тонкий голосок сына Егорушки взывал ко Господу о прощении града Петрова. Хороший мальчонка растёт, душевный. Наверняка Феклуша на небеси не нарадуется сыночком. Пусть спокойно спит на Смоленском кладбище под сенью старых тополей, посаженных ещё при царе Петре. Вечное дерево. Сруби его – ствол выкинет новую поросль и вдругорядь потянется к солнцу, перерастая церковные купола. Снова срубишь – и снова прорастёт, совсем как род людской, что не переводится из века в век.

Давеча Маркел водил Егорку на гулянье на Царицын луг²³, где повелением императрицы была устроена карусель с народными гуляньями. В балаганах прыгали весёлые Петрушки. Ско-

²³ Царицын луг – ныне Марсово поле.

морохи подкидывали вверх горящие факелы. Рвали струны балалаечники. Лохматый мужик водил за узду медведя на задних лапах. Мужик был столь зверского вида, что медведь рядом с ним выглядел безобидной зверюшкой наподобие кролика.

Народ хохотал, уплетал калачи да пряники, пил медовуху и уже не вспоминал ни о загубленном Иоанне Антоновиче, ни о его несчастном освободителе.

Крепкий ветер с Невы трепал флаги на кораблях, что стояли вдоль набережной. Народу на Царицыном лугу собралось несметно, и Маркел подумал, что если бы вдруг довелось встретить Наталью, то в этот раз не сробел бы, поклонился чин-чином да разговор завёл: кто такая, из каких краёв, можно ли познакомиться с её бабушкой и матушкой.

Но как ни высматривал знакомое лицо в толпе, никого не увидел. Лишь на обратном пути, когда они с Егором шли мимо церкви Апостола Матфея, среди нищих на паперти заметили блаженную Ксению. Отрывая от краюхи крошки хлеба, она кормила воробьёв и что-то негромко приговаривала глупым птицам.

«Во всех людях есть свет и тьма, – подумал Маркел. – Во всех, кроме неё. В ней только свет».

Он издали склонил спину:

– Доброго здравия, голубчик Андрей Фёдорович.

И Егорка повторил за ним малым эхом:

– Доброго здравия, голубчик Андрей Фёдорович.

* * *

После первого снега лёд на реке установился в одну ночь. Ещё вечером у ног плескалась тёмная вода, а к утру глаза горожан узрели ровное белое поле с серыми торосами у берега, над которыми парил шпиль Петропавловского собора, укутанный клубами изморози. Народ радовался, что не надо до переправы добираться. Спустился вниз да шествуй по замёрзшим водам сколь душеньке угодно.

На Рождество, когда ударили трескучие морозы, по льду стали ездить конные сани и крестьянские розвальни. В Крещение рубили иордань напротив Зимнего дворца, а в святки на Неве устроили катальную потеху – две бревенчатые горки с ледяным накатом. Да такие высокие, что по ним можно было спуститься с Адмиралтейской площади до Дворцовой! По бокам от горок в лёд вморозили добрую сотню елей, увитых лентами крашенных стружек. А ежели кто докатил до Адмиралтейской площади, то добро пожаловать на ярмарку с блинами, пирогами, квасами да морсами.

День и ночь на площади горели костры, чтобы гуляющие не отморозили носы и уши, а по вечерам горка освещалась масляными фонарями. То-то радость, то-то красота!

Но маялась душа у Маркела – тяжело спалось, муторно просыпалось, и день Божий шёл не лёгким галопом, а тянулся охромевшим меринком. С маяты той Маркел задумал было посвятаться к вдовой белошвейке Анисье Малкиной, но на последнем шаге дал обратный ход. Нельзя без любви семью строить, рассыплется та постройка.

Любовь – она что гвоздики, сердце к сердцу приколачивает. А ежели гвоздь наперёд ржавый, то и между супругами ржа угнездится. Хотя, конечно, тяжело мужику одному с мальчонкой хозяйство вести, ой как тяжело! Ну да Господь по силам ношу на плечи возлагает. Справляются ведь они вдвоём. Слава Богу, что Егорка попался понятливый: хоть и пятилетка, а пол веником выметет, горшок молока в печь поставит да сам кашу в блюдо наложит и маслицем сверху польёт.

Ради баловства своего мальчика родитель чего только не делает. Вот и Маркел велел Егору одеться потеплее, посадил на санки да и повёз на катальную горку.

Спервоначально шёл с неохотой, без азарта, но чем гуще становилась толпа, тем шире разъезжался рот в улыбке, будто бы чужое веселье забиралось за пазуху и грело душу тёплым щенком. То здесь, то там плескались залиvistые девичьи хохотушки и брякали ехидные шутки парней. Дудары дудели в рожки, а около самой горки стояли музыканты и били в барабаны и литавры. Дело шло к полудню, погода стояла ясная. Народу набралось столько, что издали казалось, будто вершушки горок шевелятся.

Егорка от восхищения ажно попискивать начал:

– Тятя, тятя, шибче вези! Шибче!

Маркел поддал жару, но ради шутки бросил:

– Ишь какой шустрый, я тебе, чай, не тройка расписных коней, чтобы погонять!

На подходе к горке веселье становилось горячее. Маркел миновал хоровод девок, что выводили «Ты куда голубь ходил, куда сизый залетал? Ой люли-да люли, куда сизый залетал».

Песня из его детства тёплой волной смысла с чела остатки забот. Лихо развернувшись, Маркел подхватил на руки Егорку:

– Смотри, какие сани подкатили! Не иначе как князь или граф желает на гулянье полюбоваться.

От вида роскошных саней, да с шестериком лошадей, Егорка и вовсе рот разинул. Обитые бархатом сани украшали раззолочённые лебеди, что будто бы поддерживали широкое сиденье, на котором развалился остролицый мужчина в собольей шубе.

– Да это же князь Щепкин-Разуваев, – охнул кто-то в толпе. – Говорят, он золото бочками меряет. Гляньте, выезд не хуже, чем у императрицы.

– У Нарышкиных ещё затейливее, – возразил кто-то. – У их кареты в окнах зеркала, на дверцах зеркала, и даже на колёсах зеркала!

Слышала, что денег стоит как две губернии. А уж какую карету себе братья Орловы привезли, и сказать невозможно. Орловы и рысаков себе выписали особенных. Белые, как сметаной намазанные, бока блестят, сбруя сафьяновая с вызолоченным набором, кучера в кафтанах с бобровой опушкой. Что и говорить – графья! А ведь недавно были простыми офицериками, что по казармам клопов давят. Так что эти сани не самые лучшие. Бывают и побогаче.

Словно слышав толкование, Щепкин-Разуваев приподнялся в санях и взглянул прямо на Маркела с Егором. Тот сидел у Маркела на плече и едва дышал от восхищения. К ним на Петербургскую сторону нечасто узорчатые сани заезжали. Всё больше армейские повозки или полицейские кареты.

Острые глазки князя пробежались по толпе, скользнули по хороводу с девками и устали в одну точку, где-то за спиной у Маркела. Любопытствуя, что так заинтересовало князя, Маркел оглянулся. Наталья стояла замерев, как застигнутый охотником зверёк, который понимает, что вот-вот грянет выстрел. Её лицо было белее снега на кронах деревьев, а глаза – серее воды в проруби. Так же, отрешённо и страшно, смотрел на палача несчастный Мирович, наперёд зная, что жизни ему отмеряно на один взмах топора.

Почувяв неладное, Маркел мигом сообразил, как надобно действовать. Закрыв собой Наталью от князя и указал вниз, где у его ног болтались Егоркины сани:

– Живо садись да лицо прикрой.

Ему не пришлось повторять. Сломанной веткой девушка соскользнула вниз и уткнулась лицом в колени.

– Иии-эх! – оглушительным визгом раздалось с горки, и мимо промчался санный поезд с хохочущими бабёнками, едва не сбив с ног князя, что успел выбраться на дорогу.

Краем глаза Маркел увидел, как Щепкина-Разуваева окружила ватага скоморохов в шутейных колпаках с бубенцами. Кривляясь, они хватили его за руки и хлопали по плечам.

Маркел усмехнулся:

– Не робей, девица, теперь нас никакой враг не догонит.

Нагнулся, легонько подтолкнул сани с откоса на невский лёд и побежал позади, едва успев крикнуть Егорке, чтобы крепче держался за ворот полушубка.

* * *

Когда взор князя Щепкина-Разуваева настиг в толпе лицо Наташи, она оцепенела. Смертельный ужас пригвоздил ноги к земле и совершенно лишил разума. Она не знала, то ли ей бежать, то ли стоять, то ли падать ниц на мёрзлую землю, понимая, что завтрашний день для неё уже не настанет.

«Господи! – взмолилась она про себя. – Позволь мне умереть без мук, ежели будет на то Твоя святая воля!»

Память с лихорадочной быстротой впитывала в себя белые снега на Неве, пёструю весёлую толпу горожан, стройную колокольню Петропавловской крепости и высокого мужчину с мальчонкой на плече. Жаль, что она не захлебнулась тогда в канале у Кронверка.

Мужчина обернулся, и она сразу узнала своего спасителя Маркела. Он крикнул:

– Живо садись на санки да лицо прикрой!

Повелительный тон его голоса заставил очнуться.

Ах да, санки. Зачем? Почему? Быстро перекрестившись, она вручила себя на милость спасителя, и всё время, пока Маркел мчал её на противоположный берег реки, беззвучно молилась:

«Господи, прости! Господи, не остави!»

Гуляющих на льду было много. Среди них легко затеряться, но она всё равно прятала лицо в коленях и проклинала себя, что не хватило духу прижарить утюгом щёку или полоснуть ножом поперёк лба, чтобы превратиться в дурнушку, на которую никто не позарится. Так и ехала на санях ни жива ни мертва, пока Маркел не остановился близ храма с надвратной иконой апостола Матфея.

– Вставай, свет Натальюшка, иди куда хочешь, да не бойся обидчиков. В нашей слободе тебя никто не тронет.

Запомнил, значит, её имя. Бледно улыбнувшись, Наташа поднялась с саней и посмотрела на Маркела и на мальчика, что сидел у него на шее, двумя руками вцепившись в воротник. Она чувствовала себя обязанной объяснить своё поведение.

Склонив голову, она тихо сказала:

– Спасибо, что второй раз меня спасаешь. И не думай худого, я не воровка и не тать ночной.

Его глаза смотрели вопросительно, и Наташа не выдержала, разрыдалась. Слишком долго она была наедине со своим горем, прячась от всех и всего опасаясь, никому не веря. Согнутым пальцем она смахнула слёзы, хрусталём стынущие на щеках:

– Беглая я.

– Беглая, ясное дело, – протянул Маркел, и на его плече Егорка весело забарабанил пятками в грудь:

– Беглая, беглая!

– Цыц, Егорка, придержи язык, коли взрослые разговаривают, – одернул Маркел сына. – Мы все нынче беглые, потому как с гулянья до дому бегом прибежали. Понял?

Маркел ссадил сына на землю и легонько наподдал в направлении дома:

– Иди домой вперёд нас, поиграй с кошкой, а нам потолковать надобно.

Наташа подумала, что теперь, когда призналась, на душе стало легче. Словно бы из тугого мешка с горем высыпалась на землю толика каменной тяжести. Она дрожала от холода, но была бы рада стоять с Маркелом сколь угодно долго, лишь бы он выслушал до конца. Выслушал и понял.

Она запахла шушун, подбитый тонкой ватой, что по осени отдала ей какая-то добрая душа, когда она замерзала под забором, и спросила:

– А ты разве не крепостной?

– Вольный, – ответил Маркел. – Моему отцу барин ещё при Анне Иоанновне вольную грамоту пожаловал за то, что тятя его жену от волков спас. Она по зиме из города ехала, и за повозкой стая волков погналась. В ту пору отец в лесу брёвна заготовливал, ну, и зарубил матёрого жожака. С тех пор урочище, где битва была, Волчьей Горой называется, ну а я, значится, Волчегорский. – Он зорко глянул ей в глаза. – Эй, да ты совсем озябла. Так и отморозиться недолго. Не откажи ко мне заглянуть, погреться. У нас щи в печи стоят, и зайчатина с пшённой кашей.

Его приглашение звучало так радушно, что голова закружилась. Она подумала, что это от голода, потому что сегодня довелось перекусить щепотью кислой капусты и малым кусочком кровяной колбасы, что дала хозяйка постоялого двора.

Маркел подставил ладонь под падающий снег и как бы невзначай заметил:

– Если не побрезгуешь, то я тебе овчинку своей жены отдам. Сам шил, своими руками.

– Что ты, Маркел, что ты, – охнула Наташа, – как можно?! И думать не смей свою хозяйку обирать! У меня шушун очень тёплый, – соврала она.

– Феклуша не обидится, – с безнадежностью в голосе сказал Маркел, – ей на Смоленском кладбище без разницы, что зима, что лето. Мы с Егоркой давно сиротеем.

У Наташи сердце захолонуло при мысли о неприкаянном мужике и о ребёнке без материнской ласки. Саму малолеткой от родителей оторвали, потому что барыня подарила её своей подруге.

– И кто же вам обед стряпает и ребёнка обихаживает? – спросила она невпопад.

– Старуха мордвинка стряпает, а за Егоркой кормилица Неонила присматривает. Слава Богу, парнишка у меня рассудительным растёт: и поест сам, и погуляет, зазря в драку не полезет, а дразнить начнут, так и отпор даст. Так пойдёшь к нам греться? Да не бойся, не обижу.

* * *

Первый день своего сиротства Наташа старалась не вспоминать, очень уж быстро и страшно оторвали её от детской жизни. Поутру, когда тятя погнал коров в поле, а мать собирала на стол, в избу прибежала запыхавшаяся дворовая девка Матрёшка и без перерывов выпалила:

– Тётка Глаша, собирай Наташку до барыни. Да пусть с собой памятку из дома какую прихватит. Насовсем уезжает. Барыня её госпоже Полянской подарила.

– Какой такой Полянской? – белея лицом, переспросила мать. Бросив ухват, она осела на лавку и стеклянными глазами посмотрела на Матрёшку.

– Госпожа Полянская – подруга нашей барыни, – пояснила Матрёшка. Она почесала ногой об ногу. – У неё именины нынче, вот наша барыня и расщедрилась. Подарю, говорит, тебе, Милица Петровна, справную девчонку, чтобы ты её потом на куафёршу²⁴ выучила либо к другой работе приспособила.

Наташа, что стояла за печкой, почувствовала, как у неё от страха застучали зубы. Вчера, когда барынины гости проезжали по селу, она видела в экипаже отвратительную костлявую старуху в голубом платье с кружевной накидкой. Голая старушечья шея собиралась гусиной кожей, которую старуха обмахивала огромным веером со сверкающими камнями.

Барыня постоянно раздаривала или меняла своих крепостных – портного на гусяра, а гусяра на конюха. Окосевшую на один глаз швейку Любашку продала в казённый завод, потом разом купила трёх девок тонкопрях, помуржила в прядильне и опять выставила на торги.

²⁴ Куафер – парикмахер.

Долго в имении никто не задерживался, но Наташе почему-то думалось, что её никогда не разлучат с родителями. Не по-человечески это. Не по-божески.

Мать с отцом у барыни в ногах ползали, умоляли не отдавать девчонку хотя бы до четырнадцати лет, но барыня упёрлась, как баран: «Обещала, мол, да и всё тут. Моё дворянское слово крепче алмаза. А будете мешать мне кофием наслаждаться – велю на конюшне вожжами выдрать».

Всю дорогу до имения жуткой старухи Полянской Наташа проплакала. Помнит, что её везли в телеге, прикрыв рогожей, как покойницу. А чтобы поменьше выла, горничная новой барыни отвесила пару крепких затрещин.

Зарёванную, голодную, несчастную Наташу отправили в людскую, где сердобольная стряпуха сунула ей в руки краюшку хлеба, густо намазанную гороховой затирухой, и кружку кислотоватого кваса. Наташа съела всё до крошечки и всю ночь промаялась животом, не смея отпроситься в нужник.

Наутро барыня Милица Петровна приказала управляющему в две недели научить Наташу чтению, да не абы как, а с выражением. А буди девка тупая к учёбе, то пороть без жалости. Слава Богу, что учёба далась Наташе легко, и уже на Ильин день она сидела на приставном стульчике в ногах барыниной кровати и дрожащим голосом читала журнал литератора Сумарокова «Трудолюбивая пчела».

Когда история была барыне не по нраву, она протягивала руку в перстнях к павлиньему опахалу и била чтеца рукояткой по голове. Рукоятка столь часто использовалась, что из набалдашника в виде костяной птичьей головки выпал один рубиновый глаз. Наташа боялась одноглазую птицу и если сбивалась со строчки, то горбилась в ожидании удара.

Кроме Наташи, барыня держала в чтецах тощего паренька Ефремку с огромными зелёными глазами и кудрявыми волосами. Ефремка предназначался для дневного чтения, а Наташа – для ночного.

– Не повезло тебе, девка, – сказала стряпуха, – барыня-то наша того, – она покрутила сечкой в воздухе, – спать боится. Вот и велит всю ночь напролёт долдонить всякую дребедень. Ефремка днём читает, зато ночью спит. А тебя заставят ночь горло драть, а днём прислуживать по всякой мелочи подай-принеси. До тебя ей Надюшка читала – дочка плотника, так не выдержала, утопилась.

– Как утопилась? – пролепетала Наташа, цепенея от ужаса. От испуга у неё похолодели кончики пальцев. Однажды в их деревне речка прибила к берегам утопленника. Вся деревня бегала смотреть, а она не пошла. Забилась на печь и сидела, глядя на пауков. Пауки и то лучше, чем утопленники.

Но когда первый испуг прошёл, Наташа подумала, что ночь без сна – не самое страшное. Главное, сыта и одета. Вон, красивое платье пошили, и синюю ленточку в косу вплели, даром что ноги босы.

Что значит не спать, Наташа поняла к окончанию Успенского поста, когда перед глазами стала постоянно маячить туманная дымка и не хотелось ни есть, ни пить, ни даже плакать, а только спать, спать и спать.

Если она начинала моргать глазами над книгой, как сразу же следовали удар по голове и резкий оклик барыни:

– Что ты как сонная курица? Живо прикладывай старание!

От недосыпа и недоедания к Покрову Наташа превратилась в девочку-старушку с трясущей головой и впалыми щеками. До неё туго доходило сказанное, и она то и дело обмирала на ходу, глядя перед собой стеклянным взором. И вот однажды, когда Наташа тарабанила барыне сочинения поэта Хераскова, ей причудилось, что с большой иконы Смоленской Божией Матери в углу спальни пролился золотой свет.

Она бросила читать и подняла голову, не обращая внимания на удары поганой одноглазой птицы с павлиньего опахала.

«Почему ты не молишься Господу?» – услышала Наташа вопрос Богородицы, хотя Та не размыкала уста.

«Я хочу спать», – мысленно ответствовала Наташа, не сумев пошевелить языком.

«Молись усердно, и скоро ты отдохнёшь. Обещаю».

Свет на иконе померк, и Наташа тотчас произнесла вслух: «Богородице Дево, радуйся», но по губам потекло что-то солёное и липкое. Она заморгала глазами. Клюв костяной птицы разбил ей лоб, и кровь стекала по щекам и подбородку.

Назавтра ввечеру, когда барыня изволила откусать запечённого поросёнка в брусничном соку, у неё случился удар. Посиневшая, страшная, Милица Петровна лежала на кушетке и едва ворочала глазами, пока доктор отворял ей кровь в большой медный таз.

Доктор был молоденький, со светлыми волосами и доброй улыбкой.

– Жить ваша барыня будет, – сказал он управляющему, – но говорить, наверное, не сможет. Советую пригласить священника, а больше никого к больной не допускать.

После этих слов Наташа зверушкой юркнула на сеновал и беспробудно заснула чуть ли не на неделю.

* * *

Пять следующих лет Наташа проболталась в дворовых девках. Выполняла разную работу: то на кухне, то прачкой, то поломойкой. Куда пошлют.

Барыня лежала в спальне колода колодой: мычала, бляяла, пускала слюни, а хозяйством распорядился управляющий. Осенью и весной в имение наезжал племянник барыни – наследник Иван Осипович. Тучный, коротконогий, в сильно напудренном парике, он целыми днями прикладывался к наливке и что-то писал гусиным пером, которое лично очинивал перочинным ножом с золотой рукоятью.

Иногда Иван Осипович подзывал борзых собак и начинал читать им свои произведения, препотешно завывая в особо чувствительных местах. Как-то раз, когда Наташа натирала воском паркет в зале, Иван Осипович протопал в кабинет в охотничьих сапогах и поманил её рукой.

– Эй ты, иди сюда.

Наташа встала с колен и оправила передник.

– Что изволите, барин?

Откинувшись в кресле, он задумчиво оглядел её с ног до головы, и в прищуре его глаз промелькнуло удивление.

– Управляющий говорит, ты грамотная?

– Да.

Ей не понравился его взгляд, липнувший к её шее в растёгнутом вороте. Она покраснела, рассердилась на себя за это и покраснела ещё шибче. Кто знает, что у бар на уме? От барского внимания только худо выходит. Но, к её облегчению, Иван Осипович достал из стола свою рукопись и очертил отращенным ногтем на мизинце несколько строк:

– Прочти вот это. Да постарайся, чтобы вышло душевно, со слезой.

От испуга слёзы у неё были и так наготове. Возвысив голос, Наташа прочитала длинное путаное творение о неразделённой любви прекрасной нимфы к козлоногому сатиру.

«Мерзость какая!» – подумала она, но Иван Осипович в восторге ударил себя ладонями по коленам.

– Сиё превосходно! У тебя несомненный талант актёрки! Но боже мой! – Вскочив с кресла, он дал круг по кабинету, едва не уронив на ковёр бронзового орла. – Я никогда не

думал, что столь даровит! Мой стих звучит лучше Тредиаковского! Звонче оды Ломоносова на день восшествия государыни императрицы Елизаветы Петровны! – Подбоченясь, он воздел руку к потолку. – Склоните головы, народы, я великий пиит! – Достав табакерку, изукрашенную камнями, Иван Осипович заложил в ноздри табак, несколько раз оглушительно чихнул, затем потряс головой и заявил: – С нынешнего дня начнём ставить пиесу моего сочинения, чтобы предъявить её к именинам тётушки Милицы Петровны. – Он трубно высморкался в платок. – А тебе поручаю главную роль. Пока не знаю какую, но уверен – моё сочинительство ждёт триумф!

* * *

– Подол велено обрезать, чтоб ноги торчали, – сказала швейка, накидывая на Наташу кусок белого полотна.

Пенная ткань волной охватила плечи, приоткрыв шею и грудь.

Наташа посмотрела на себя в напольное зеркало и обмерла: срам-то какой! Но в случае успеха барин обещал подписать вольную грамоту, а ради этого можно вытерпеть любое поношение. Есть что-либо на свете краше свободы?! В мечтах Наташа представляла, как вернётся домой к мамушке с тятенькой. Тишком прокрадётся в сени, распахнёт дверь да и рухнет им в ноженьки: принимайте, мол, своё оплаканное чадушко!

Новую пиесу Иван Осипович сочинил со скоростью игры в горелки, и Наташе досталась роль прекрасной Флоры, которую приносят в жертву одноглазому чудищу Циклопусу. Циклопуса изображал пастух Ерёма. Для роли ему сбрили бороду, после чего Ерёма забился в коровник и отказывался показываться на люди. В конце действия Флору должна поглотить огненная пучина в виде подожжённой копны сена, а сопровождать сие действие – пение хора дев.

После тщательного отбора девами барин назначил свинарку Машку, дочку колесника Парашку и жену конюха тётку Акулину, толстую и усатую, зато голосистую. Дев надлежало обрядить нимфами и увить лентами. На лужайке перед особняком мужики сколотили подмости с ситцевым занавесом и принесли лавки. Барин бегал туда-сюда, нюхал табак, чихал, тряс париком и, судя по всему, находился в состоянии, близком к нервическому припадку.

Накануне праздника в имение потянулись экипажи с гостями. Загодя приехали две подружки хозяйки – старые девы графини Бобровы. Их сиятельств разместили в гостевых покоях. К обеду обещались быть соседские помещики, и ближе к вечеру должна была появиться главная гостья – фрейлина Порецкая, пользующаяся влиянием при Императорском дворе.

Перед выступлением Наташа прокрасалась в спальню Милицы Петровны. Откинувшись на подушки, старая барыня спала, перемежая храп с сипением и сопением. Едва не задохнувшись от спёртого воздуха, Наташа опустила на колени перед иконой. Ей было стыдно предстать перед Пречистой в непотребном наряде, поэтому она набросила на плечи истлевший от старости кусок ряднины.

– Матушка, Заступница Небесная, Ты уже однажды сжалилась надо мной. Не отверни от меня лица Своего. Помоги исполнить роль, чтобы угодить барину. Он обещал дать мне вольную!

Барыня на перинах ворочалась и пыхтела, сбивая девушку с мысли.

Наташа несколько раз прочла «Достойно есть»²⁵ и замерла в ожидании, что икона прольёт с образа хоть лучик света.

²⁵ Похвала Пресвятой Богородице: «Достойно есть яко воистинну блажити Тя, Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную и Матерь Бога нашего. Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя величаем».

В глубине дома хлопнула дверь. Зычный голос тётки Акулины закричал:
– Наташка, где тебя носит? Барин приказал бечь повторять роль.

Девы из хора дев уже стояли наготове с распущенными волосами и берёзовыми венками на головах. Полуголая тётка Акулина могучими дланями прижимала к животу подобие лиры, и выражение её лица не предвещало ничего хорошего. Машка с Парашкой, держась за руки, испуганно моргали. Циклопус Ерёма, вопреки ожиданию, был весел и сыто икал, распространяя вокруг ядрёный бражный дух. Оба его глаза были затянуты шёлковым чулком с проколотыми дырками для обзора, а на лбу поверх повязки углём из печи Иван Осипович лично начертал огромное око с лучами-ресницами.

От страха перед выступлением Наташу одолела трясучка, голос хрипел, в глазах мутилось.

«Я не смогу вымолвить ни словечка, – подумала она, холодея. – И тогда прощай вольная».

На шум в зале она выглянула в щёлку занавеса. Тёплый июнь теребил листву на деревьях. День клонился к закату, взывая к действию тучи лесных комаров, посему гости сидели беспокойно, то и дело хлопая себя по щекам и по лбу.

– Любезные дамы и господа, действие начинается! – вскричал со сцены Иван Осипович. – Но перед сим желаю порадовать вас сюрпризной встречей с именинницей.

Воздев вверх руки в белых перчатках, он три раза хлопнул в ладоши. Повинуясь сигналу, двери дома распахнулись и два конюха вынесли на руках кресло со старой барыней. Наташа услышала, как по скамьям с гостями прокатился общий вздох, потому что выглядела Милица Петровна устрашающе. Для вящей красоты её горничная не пожалела на лицо барыни белил и румян. Милица Петровна тряслась, вращала глазами и издавала утробные звуки булькающей болотины.

Фрейлина Порецкая, что сидела у самой сцены, незаметно перекрестилась.

Иван Осипович взмахнул белым платком, и тотчас за сценой Васька-дударь затянул на рожке столь заунывную песню, что ему ответствовали коровы в дальнем конце усадьбы.

Заробев до дрожи в коленках, Наташа вышла на подмости, едва не сверзившись меж двух греческих колонн, сотворённых из крашенных брёвен.

Дальнейшее она запомнила плохо, потому что думала только о руках и ногах, внезапно ставших огромными и неповоротливыми, и о том, чтоб вовремя произнести нужные слова. Хор дев постоянно сбивался на крик, а Циклопус Ерёма вместо того, чтобы зверски скалиться, умильно шлёпал губами и пьяно улыбался.

Самое страшное случилось напоследок, когда мужики разожгли в медной бадье огненную пучину. Для верности кузнец подсыпал на дно немного дымного пороха. При виде огненного столпа, взметнувшегося выше кроны могучего клёна, старая барыня Милица Петровна дёрнулась всем телом, засучила ногами и испустила дух.

* * *

Суля несчастье, на куст возле людской опустился ворон. Недавно поморосил дождик, и воронья перья чёрным пятном маячили в зелени мокрой листвы.

– Кыш, поди прочь! – взмахнула полотенцем Наташа, но ворон не улетал. Сидел и смотрел смородиновыми глазами на похоронную суету.

Стряпуха с ног сбилась, готова поминальный стол. Кутью варили вёдрами, обильно поливая мёдом горячее варево. Золотистыми стогами возвышались горы блинов на блюдах. Иван Осипович принимал гостей с траурной повязкой на рукаве. Всем дворовым бабам и девкам велено было повязать тёмные платки и ни в коем случае не выказывать веселья, обещая порку тому, кто забудется и хихикнет.

Старую барыню не любили, поэтому, несмотря на запрет, дворня исподтишка зубоскалила. Нет-нет, да и блеснёт глазами какая девка на парней али парни вослед кому солёное словцо бросят. Одна Наташа заливалась слезами реки-реками. Да не по барыне – по себе, потому что вместе с барыней погребали в землицу и обещанную вольную грамоту. Разве ж барину до холопки теперь?

Она не поверила своим ушам, когда горничная со стуком ворвалась в людскую и затараторила:

– Где ты прячешься, Наташка? Я весь дом обыскала. Барин зовёт, живой ногой беги к нему в кабинет. Да пошевеливайся!

Наташа наскоро ополоснула зарёванное лицо и туго повязала под подбородок чёрный платок. Руки и ноги отказывались служить, а сердце ухало в груди медным колоколом, что впору на колокольню вздымать.

– Господи, помоги! Господи, защити! Господи!!!

Из-за двери она услышала раскатистое чихание, три раза перекрестилась и вошла.

Иван Осипович стоял у окна с раскрытой табакеркой в руках и утирал глаза батистовым носовым платком. На нём был надет синий кафтан узорчатого шёлка, отделанный на манжетах пышными кружевами, и домашний паричок с короткими буклями.

– Звали, барин?

– Звал. – Он захлопнул табакерку и осанисто выпрямился. – Я zelo доволен твоим актёрством.

Чтобы не закричать от радости, Наташе пришлось стиснуть кулаки, горячие от нервного пота.

– Посему... – Иван Осипович сделал лёгкий поклон в сторону кресла, и Наташа только сейчас обратила внимание, что там сидит фрейлина Порецкая, – ... посему уступаю тебя Ангелине Иосифовне. Будешь актёркой в её домашнем театре. Завтра же, сразу после похорон, отправишься в её тверское имение.

* * *

Кончик хлыста ловко и звучно ударил по икрам ног, огненной змейкой прогнав кровь по жилам. Содрогнувшись от боли, Наташа растянула губы в улыбке и подпрыгнула. Плакать и кривить рот запрещалось под страхом наказания. Улыбка и только улыбка.

В большой светлой зале стояла духота. Окна плотно закрыты, вдоль стены приделана палка, за которую надобно держаться, чтоб не упасть, когда машешь ногами. Рядом разучивали танец ещё с десяток девушек, все на подбор одного роста и одного веса.

– Шибче прыгай, корова! Шибче! – багровея щеками, кричал танцмейстер Яхонтов. Хотя он тоже был крепостным, к актёрам относился с беспримерной злобой. Наташе показалось, что русоволосых девушек он особенно ненавидит.

Длинной указкой Яхонтов отмерил нужную вышину прыжка и выжидательно замер.

Наташа приземлилась на цыпочки и немедля изогнулась в поклоне, держа руки изящным полукругом. Ножки-пяточки вместе, головка приподнята.

Яхонтов стукнул указкой об пол:

– Повтори пируэту, Флора. Раз, два, три.

В усадебном театре фрейлины Порецкой Наташу нарекли Флорой. В первый же день её сиятельство приказала забыть собственное имя.

– Я тебя увидела в образе Флоры, – заявила она Наташе, – посему быть тебе Флорой. Правда, в театре графа Каменского тоже есть таковая, но надеюсь, моя Флора одержит над нею славную викторию.

Потом Наташа узнала, что всех актёров в театре зовут пышно и выдуманно, как комнатных собачонок или лошадей. Невысокую девушку с огненно-чёрными глазами кликали Пенелопой, другая представилась Авророй, третья Цирцеей. Как зовут актёров, Наташа услышала много позже. На мужскую половину запрещалось даже смотреть, не то что разговаривать.

Жили комедианты в отдельном флигеле из нескольких комнат. Женщины в женском крыле, мужские в мужском. На ночь надзиратель запирали комнаты на замок, и отлучаться не дозволялось даже по нужде. На безотложный случай в каждой спальне ставили ночную вазу.

– Как есть острог, – сказала Наташе Цирцея, когда показывала отведённое для неё место. – Сама барыня не лютует, никого батогами не бьёт и в яму не сажает. Но зато Яхонтову никогда не перечь, он как цепной пёс: если почует поживу, то будет терзать, пока глотку не перегрызёт. И ещё: о кавалерах и думать не смей, – она указала пальцем в сторону мужского крыла. – У нас одна девушка написала записку капельдинеру. Он тоже из крепостных. Так капельдинеру за это ноги переломали, а девушка пропала.

– Как пропала? – охнула Наташа.

– А так и пропала. Может продали, а может... – Цирцея провела ладонью по горлу. – Только ты про это не болтай. Я тебе и так много рассказала. Узнают – мне несдобровать.

– Ей-богу не скажу, – горячо прошептала Наташа.

Лицо Цирцеи обмякло:

– Но вообще-то нам повезло, что нами её сиятельство владеет, а не барин какой-нибудь. Говорят, граф Каменский издевается над актёрами хуже зверя. Если плохо играешь, то надевает на шею рогатки, чтоб спать не давали, или в кандалы заковывает. А новеньких актрис велит к себе по ночам приводить, и обязательно в costume деви-воительницы.

Чем больше рассказывала Цирцея, тем страшнее становилось Наташе, и ночью, когда другие девушки заснули – а всего в комнате их было пятеро, – она встала на колени и стала молить Господа, чтобы Он забрал её душу к Себе на небеса.

* * *

– Флорка, смотри, твой Щепкин-Разуваев рядом с хозяйкой сидит. Опять на тебя пялиться станет, – сквозь полусомкнутые губы, чтобы не заметил Яхонтов, процедила Цирцея.

Наташино сердце тяжело стукнуло. Медленным движением она поправила кружева на корсаже, пытаясь совладать с тревогой. Предчувствие зла было столь острым, что она на миг забыла слова пьесы сочинителя Мольера.

Сегодня они давали спектакль «Больным быть думающим»²⁶, и Наташа изображала Анжелику, дочь мнимого больного Аргана. За полтора года на сцене театра графини Порецкой она переиграла не одну дюжину ролей, потому что каждый спектакль редко ставили дважды. Послабление от работы сделали лишь в дни траура и в Великий пост. Но время, отведённое на покаяние, управляющий театром употреблял на муштру и разучивание новых пьес. Особенно много постановок пришлось на Рождество и Пасху. Нынче Петровки – День святых апостолов Петра и Павла. С утра актёров водили в домовую церковь, а потом загнали на репетицию, чтоб ввечеру разыграть новую комедию.

Хотя репетиции изматывали до крови из носа, сами лицедейства Наташе нравились, потому что после успеха (а успех был почти всегда) актёров досыта кормили и отправляли отдыхать по комнатам. Она почти смирилась со своей жизнью, когда внезапно обнаружила назойливое внимание молодого князя Щепкина-Разуваева.

²⁶ Комедия-балет Мольера «Мнимый больной». Под названием «Больным быть думающим» впервые была поставлена в России в 1765 г. силами любительской труппы.

Недавно князь бросил ей на сцену букет с бриллиантовым перстнем. Подарки от зрителей актрисам дозволялось оставлять себе, но Наташа отдала перстень Яхонтову.

Улыбка танцмейстера растеклась по лицу с гладко выбритым подбородком, и он несколько раз довольно пробормотал:

– Давно бы так!

На следующей репетиции его плётка проходила по спинам других девушек, из чего Наташа сделала вывод, что перстень принёс ей несомненную пользу, от которой она с радостью отказалась бы. Лучше быть битой, чем превратиться в игрушку для князя, потому как это самая настоящая смерть.

Отводя глаза, чтобы не встретиться взглядом с князем, она через силу твердила роль, а в голове билась одна мысль: хоть бы он ушёл или стал смотреть на другую девушку, вон, хоть на Минерву. Минерва сама говорила, что не против занять богатого покровителя. Да и с виду она хороша: высокая, крепкая, круглолицая – кровь с молоком.

Тревожным взором Наташа ловила каждое движение князя, поднимал ли он бровь или капризно изгибал губы, чтобы взять с подноса у лакея бокал вина. Распевая куплеты, она подмечала, как он наклоняется к уху графини По-рецкой, и угадывала, что они говорят про неё.

Во время сценки у ложа мнимого больного Цирцея указала глазами на Щепкина-Разуваева и графиню:

– Смотри, Флорка, они о чём-то сговорились. – Наверное, она побледнела, потому что Цирцея крепко ждала ей локоть: – Да ты не пугайся раньше времени. Что ни делается, всё к лучшему. Будешь барской барыней, в шелках да в бархате. А натешится князь – выдаст тебя замуж. Обычное дело.

На Наташиных ресницах закипели слёзы. Замуж она хотела не по барскому велению, а с милым дружком, которого здесь не было и быть не могло.

Страх немного отпустил, когда графиня с князем сразу после спектакля встали и ушли в бильярдную. Неужели на этот раз пронесла нелёгкая?

Наутро управляющий известил Наташу, что графиня Порецкая проиграла её князю в бильярд и надобно собираться, потому что за ней будет послан экипаж с провожатым.

* * *

– Стой, куда? Сумасшедшая девка! Догоним – убуём! – в два голоса орали кучер и коротконогий лакей в жёлтом камзоле, которых прислал за ней князь.

«Пускай себе надрываются, быстрее закончатся силы. Я танцорка и в горелки вперёд всех бегала, им меня нипочём не изловить», – не приостанавливая бег, думала Наташа.

Она всё рассчитала точно, и когда повозка сделала поворот у берёзовой рощицы, выскочила наружу и стремглав понеслась прочь. Ветки деревьев хлестали по лицу, раздирая волосы. Пусть в болото, пусть в омут, пусть медведь задерёт, только не в руки князя.

«Живой не дамся», – решила она сразу же после того, как управляющий приказал ей идти на выход. Пока собиралась и целовала на прощание Цирцею с заплаканными глазами, намерение убежать стало обрастать плотью и напитываться замыслами. О беглых мужиках она частенько слышала, но чтобы девка, да ещё актёрка?! Её половина местных дворян в лицо знает! У родителей не спрячешься – там сразу поймают, да ещё всех стариков в деревне изувечат²⁷.

Оставалось подаваться в Санкт-Петербург. Город большой, кипит народом, среди толпы легко затеряться. Да и прокормиться легче – хоть кто-нибудь кинет корку хлеба.

²⁷ За укрывательство в деревне кого-либо из беглых крепостных старший член семьи с каждого двора подвергался наказанию плетью.

«Только бы собак по следу не пустили», – с неистовой скоростью прокручивалось в голове. Чтобы передохнуть, она на миг оперлась ладонями о колени, попутно глянув назад на преследователей, которые безнадежно отстали. «Им ведь тоже, поди, не поздоровится, – неприятно толкнуло в груди. – Как пить дать накажут за моё бегство. Простят ли они меня когда? Не по-людски я с ними поступаю. – Она облизала пересохшие губы. – «Господи, подскажи, как поступить? Подай знак!»

И словно в ответ на её мольбу позади раздался звериный рык лакея:

– Зараза! Если не сдашься по-хорошему, то скажу барину, чтобы собакам тебя скормил!

Наташа перекинула ногу через поваленное дерево, змейкой соскользнула в овраг и увидела впереди блестящую ленту реки с крутым спуском.

Теперь точно не поймают, особенно если удастся переправиться на другой берег. Добраться бы ещё до Петербурга да сообразить, в какую сторону двигаться. Спасибо, что сейчас лето – деревенскую девушку лес и прокормит, и укроет.

К Петербургу Наташа прибрела вместе с осенью. Вода в реках была ой как холодна. Но всё же она нашла в себе мужество вымыть косы и постирать одежку. Платье, в котором сбежала, она выменяла у какой-то старухи на домотканую сорочку и истрёпанный сарафан, некогда вышитый по подолу «гусиной лапкой».

По дороге сперва прибилась к трём странницам-монахиням и некоторое время брела вместе с ними. Монахини попались вьедливые, а на исходе третьего дня старшая, мать Феофила, спросила с хитрецей:

– Признавайся, как на духу, небось ты беглая?

Пришлось на первом же перекрёстке свернуть от них в сторону.

Потом, на счастье, её подхватила артель шерстобитов, что шли обустроиваться в Санкт-Петербург вместе с жёнками. Артельным старшиной оказался седой дедок, похожий на гриб-боровик. Ростом мал, а руки, что рачьи клещи – схватят, не отпустят.

Он с одного взгляда раскумекал, что она беглая, но промолчал. Пожевал губами, глянул зорко, а опосля изрёк:

– Ты вот что, Наташка, от меня не отходи ни на шаг, чтобы наших баб не злить да мужиков не раззадоривать. А буде кто посторонний про тебя спросит, говори, что дочка.

Видать, сам из беглых, раз приветил, а может, она и вправду с его дочкой лицом схожа. За неделю, что шла с шерстобитами, маленько отъелась на артельных харчах. Из глаз исчезла смертельная обречённость, расправились плечи. Ужель не оставила её Богородица Своим попечением? Видать, так и нужно, чтоб она по своей судьбе шла не прямым трактом, а извилистыми тропками с топами и островками суши.

Артельщики и провели её в град Петров через все рогатки, где беспаспортных ловили и отправляли в остроги. У первого же каменного дома распрощались.

Старшина её перекрестил и в лоб поцеловал:

– Иди девонька, да помни: на всё Божия воля. Будет трудно – не ропщи, будет легко – помогай другим, как мы тебе помогли.

В городе повезло ещё раз, потому что почти сразу удалось найти заброшенную баньку с полусгнившим полом. Там она и обитала, перебиваясь разными подаяниями. Загадывать о будущем не смела – прожит день, и ладно. Два раза только выбралась на люди – на казнь Мировича и поглядеть на катальную горку. И если бы не Маркел, то быть бы ей в кандалах в каком-нибудь подвале князя Щепкина-Разуваева, а то и того хуже – на морозе без одежды.

Подняв голову, Наташа посмотрела на Маркела. Он стоял в расстёгнутом тулупе и ожидал ответа на своё приглашение. Ей до боли захотелось кинуться к нему, опереться на сильные плечи, и чтобы он запахнул тулуп и побаюкал её, как маленькую, отгоняя прочь её страх и стыд.

– Нет, Маркел, не могу к тебе пойти – сам знаешь, что бывает тому, кто беглых укрывает.

Она поняла, что сил бороться уже не осталось, главное сейчас – суметь уйти, не дать себя уговорить!

Он тронул её за руку:

– Постой, не уходи. Видишь тот дом? – он показал рукой на окошко с цветами на подоконнике. – Иди туда, попросись на ночь. Там живёт Параскева Антонова. Ей блаженная Ксения, есть у нас тут такая, дом отдала, но с наказом бедных пускать даром жить.

– Как отдала? Разве так бывает?

– Бывает. – Голос Маркела потеплел. – Не каждому припадает счастье свидеться со святой душенькой, а нам, стало быть, свезло. Знаешь, Ксения у меня один раз копейку взяла, а надобно заметить – она не у всех берёт. Вот я иногда нет-нет, да и подумаю: вдруг та копеечка к моим внукам-правнукам добром вернётся? И ты не бойся, иди к Антоновой, там с тобой худа не случится. Тем паче, что Параскева не ведаёт, кого в дом пускает, поэтому ей ничего не станется. А ты молчи. Вообще ничего не говори, она не прогонит.

Наташа слабо улыбнулась:

– У тебя, Маркел, тоже душа добрая. Но я не могу постоянно жить, как крыса в норке, и своих благодетелей под топор подводить.

– Да ты погоди, – перебил он её слова. – Дослушай. Есть у меня один знакомец, что знает много ходов и выходов. Спрошу его. Может, он чего присоветует. Останется лишь на глаза твоим барам не показываться. Ну да это дело нехитрое. Лет через пять про тебя все забудут.

Князья и чернь хоть и купаются в одной реке, да в разных запрудах. Выйдешь замуж, детей народишь и станешь обычной посадской жёнкой, на которую никто хулу не возведёт.

– Да кто ж на мне женится? – покраснев до ушей, бухнула она невпопад.

Он ухмыльнулся:

– Найдутся желающие. Такие красные девки без женихов не остаются. А сейчас иди, кланяйся Параскеве и жди от меня весточки. Да моли Бога, чтоб Он нам подсобил.

* * *

Кабак в Пушкарской слободе было видно и слышно издалека. В широко распахнутых воротах ночь-полночь толпился чёрный люд, что стекался сюда с соседних улиц. По земле стелился дым из трубы, в нос шибало брагой, потом, гарью. Подбирая с земли заледеневшие объедки, грызлись собаки. Зажиточные посадские да купцы сюда не хаживали, предпочитали трактир поближе к набережной. Там и через Неву ездить сподручнее, и товар с баржи принять. А в дешёвых кабаках одно хорошо – околоточный надзиратель не заглядывает, потому как с мелкого народишку никакого навару нет, да и порядок им ни к чему, сами разберутся, кто прав, кто виноват.

Маркела передёрнуло от стыда, что он по молодости да по глупости заглядывал сюда ради хмельной радости. Зазорно должно быть человеческому роду уподобляться свиньям. Не того Господь желал Своим детям, когда вкладывал им в голову разумные мысли и одаривал бессмертной душой.

На лавке под окнами лежал и орал пьяный плотник Федька с Колтовской слободы. Маркел толкнул его кулаком в плечо:

– Эй, Федька, вставай, иди домой. Жена небось все глаза проглядела поджидаячи.

С трудом подымая голову от скамьи, Федька глянул на него мутным взором, напоминающим цвет самогона в бутылки:

– Мне и здесь хорошо.

Входные двери в кабак то и дело хлопали. Туда входили, оттуда выползали. Простоволосая баба на сносях волокла на себе тощего солдата. Он едва перебирал ногами и бормотал что-то невнятное. Краем глаза Маркел заметил вороватого Петьку по прозвищу Многоручка

и проверил завёрнутые в тряпицу деньги за пазухой. Несколько лет копил, чтобы мастерскую расширить. Ну, да ради спасения души Натальюшки ничего не жалко.

Отстучав снег с валенок, он шагнул в спёртый кабацкий дух, витавший над лавками вдоль стен и над длинными столами, уставленными штофами и оловянными кубками.

При виде Маркела целовальник Сидор сгрёб с прилавка пятаки и удивлённо воскликнул:

– Никак Маркелушка до нас добрался! Сколько лет, сколько зим! Давненько к нам не заглядывал!

– И то правда, Сидор, – степенно кивнул Маркел, – дел много, недосуг. Да мальчонка без матери – не до баловства. Сам понимаешь.

– Как не понимать, Маркелушка, всё понимаем. Но работающему мужику завсегда нужна отдушина. Почему бы не промочить горло с доброй кумпанией?

– К кумпании и пришёл. – Маркел шагнул к прилавку и заговорщицки подмигнул. – А скажи-ка мне, на месте ли Кифа Тихонович?

Если Сидор и удивился, то виду не подал, потому что Маркел подкрепил свою просьбу серебряным елизаветинским рубликом последнего выпуска. Тем, где императрица с одним локоном на плече. Деньги немалые – за рубль в трактире можно месяц уху со щучьими головами хлебать или есть жаркое из тетёрки да с тёртым хреном.

Молниеносным движением Сидор зажал монету в кулак и скосил глаз в сторону потаённой дверцы за перегородкой:

– Иди да стукни с отяжкой пять раз, иначе не отворят.

После пяти стуков дверь приоткрылась на малую щель, и оттуда осторожно выглянул худосочный отрок лет двенадцати.

– К Кифе Тихоновичу, – сказал Маркел.

Отрок растворил дверь пошире:

– Показывай карманы, что ножа нет.

– А может, он у меня в голенище, – попробовал пошутить Маркел, но отрок сурово сдвинул брови:

– И голенища проверим, не сумлевайся.

Общупав карманы не хуже тюремного надзирателя, отрок провёл Маркела в горницу, где кроме стола и лавок стоял резной шкаф с дубовыми дверцами, наподобие того, какие стоят в домах у аглицких мастеров.

– Теперь сюда. Да голову нагни, а то лоб расшибёшь. – Двумя руками отрок толкнул дверцу шкафа, и ткнул пальцем внутрь: – Туда иди. Там Кифа Тихонович.

Про существование Кифы Тихоновича Маркел узнал случайно, когда ему заказали хитрую бочку со скамеечкой внутри и тайными дырками для воздуха и обзора. Заказчиком был целовальник Сидор. Отсчитав пятнадцать рублёв – цену, за которую можно коровёнку сторговать, Сидор велел держать язык за зубами. Да Маркел и сам не дурак, понимал, что таковая бочка не для солений предназначена. Хотел было даже от работы отказаться, но рассудил, что мало ли какая блажь заказчику в голову стукнет, да и деньги были нужны – Егорушка недужил, приходилось лекарю платить и няньку нанимать.

А через какое-то время к нему во двор явился нарочный от Сидора и шепнул, мол, Кифа Тихонович весьма доволен работой и велел обращаться, если будет надобность какое дельце обстряпать. И подмигнул лихо, по-разбойничьи, так что Маркела в жар бросило, и он дал зарок больше ни за какие деньги с Сидором не связываться.

Но не зря присказка бытует: «Никогда не зарекайся». Взяла нужда за горло – и побежал, как крапивой настёганный.

* * *

Масляная лампада на столе освещала маленькую комнатёнку без окон, два шага на два. Было жарко натоплено, но не душно. Тёмным пятном пласталась на полу медвежья шкура. На широкой лавке у стены лежало пёстрое покрывало и вместо подголовника – свёрнутый домо-тканый коврик. Ещё одна лампада из венецианского стекла освещала лик Спасителя в красном углу. Когда Маркел зашёл, то от потока воздуха лампада качнулась и по стенам заплескались розовые тени.

Отдавая дань хозяину, Маркел степенно перекрестился на икону и, хотя комната была пуста, громко произнёс:

– Мир дому сему.

– Дверь-то затвори, сквозняк делаешь, – будто бы ниоткуда прозвучал густой мужской голос.

Под столом что-то завозилось, зашерудило, будто кошка чихнула, и из-под столешницы показалась трёпанная седая голова с рваными ноздрями и глубокими морщинами на лбу.

Маркел опешил.

Наверное, Кифе Тихоновичу нравилось играть с гостями, потому что на его лице появилось довольное выражение.

– Ко мне, мил человек?

– Если ты Кифа Тихонович, то к тебе, – сказал Маркел. – Бондарь я, Маркел Волчегорский.

– Как же, помню, помню. Очень ты меня порадовал. Особливо тем, что догадался подлокотники к скамеечке приделать. Уважил старика. Можно сказать, что благодаря той бочке я в живых остался. Так что твой должник.

Но ещё больше Маркел удивился, когда вослед за головой показалось всё туловище с крохотными ручками, крохотными кривыми ножками размером, как у трёхгодовалого ребёнка, и широкой квадратной грудью в синем кафтанчике с красными отворотами.

«Да он карла!» – ахнул про себя Маркел, но прикусил язык и постарался не выказать изумления.

Тем временем Кифа Тихонович подкатил к нему мягкими шажками и постучал пальцем по коленке:

– Что застыл столбом? В первый раз маленького человека увидел? Садись, раз пришёл. Рассказывай, в чём нужда.

* * *

Ту неделю, за которую Кифа Тихонович обещал дать ответ, Маркел прожил как в лихорадке. Каждый день он старался пройти мимо бывшего дома блаженной Ксении, чтобы хоть краем глаза взглянуть на Наташу. Знал, что она будет сидеть взаперти, но ноги всё равно вели его улицей, которую жители стали кликать Петровой, по имени Ксениного мужа.

Пару раз он видел во дворе Параскеву Антонову, но спросить о постоялице не решился. Чем меньше народу будет знать об их знакомстве, тем лучше.

Перед тем как идти в кабак за решением Кифы Тихоновича, Маркел зашёл в Матфеевскую церковь попросить у Господа заступления за Наташу. Сердце замирало от мысли, что если Кифа не сумеет справиться дело, то Наташе суждено скитаться из угла в угол, а потом сгинуть. Когда решается судьба человеческая, страшно остаться одному, а с Богом вроде как напололам делишь горе или радость.

Сбегая с паперти, он щедро рассыпал нищим по медяку, чувствуя, как внутри отпускает страшное напряжение последних дней. Понял, что даже если Кифа откажет, он всё равно станет бороться за Наташу до последнего – хоть ценой жизни. Главное, Егорку успеть пристроить в добрые руки, чтобы не осиротить и по миру не пустить.

Целовальник Сидор сразу кивнул за перегородку:

– Помнишь, как стучать? Пять раз с оттяжкой. Иди. Ждут тебя.

Отрок опять проверил карманы. Провёл длинными тёмными коридорами, открыл резную дверцу шкафа. Теперь Кифа Тихонович не прятался под столом, а восседал на камчатной подушечке, что была положена на лавку. Низко поклонившись, Маркел замер в ожидании приговора.

Своей детской ручкой Кифа Тихонович провёл по гладкому подбородку, ибо борода у него не росла, и с ходу спросил:

– Знаешь, что бывает за подделку государственных бумаг?

– Знаю, Кифа Тихонович.

Маркел посмотрел на рваные ноздри Кифы Тихоновича, уродующие и без того некрасивое лицо.

Тот перехватил его взгляд:

– Правильно понимаешь – ноздри мне в остроге вырвали. Но не за бумаги, а за то, что залезал в богатые дома, таился в ящике комода или в шкафу и вызнавал все секреты, – он хихикнул, – а всё потому, что повезло родиться карлой.

– Повезло? – не поверил своим ушам Маркел.

– В том сомнения не имей, – засучил ножками Кифа Тихонович, – у каждого свой путь на роду написан. Мне досталось быть карлой. Так с чего я с горя убиваться должен? Руки есть, ноги есть, голова крепче чугунного котла, – он шутливо пристукнул себя кулаком в лоб. – А что ростом не вышел, так то мне на пользу пошло. Я ведь даже у самого графа Кирилла Разумовского в ореховом бюро сиживал. Да не абы когда, а в то время, когда он с императрицей Елизаветой об амурном деле разговаривал. Как я теми секретами распорядился, тебе лучше не знать. Но что было, то былём поросло. Давай толковать о нашем деле.

Шапкой Маркел вытер вспотевший лоб. Кифа ехидно заулыбался:

– Не бойся, у меня рука лёгкая, раз до сих пор землю топчу. – Проворно соскочив со скамейки, Кифа Тихонович порылся в котомке и протянул Маркелу бумагу: – Это тебе паспорт на Ивана Семёнова и его дочь Наталью. Спросят – пусть отвечает, что отец, мол, вольный, из архангельских корабельщиков, работал на верфях, да помер от чахотки. А боле пусть ничего не говорит, а начинает плакать. Вроде как по отцу печалится. Сироту кто обидит? Да на девку и смотреть не станут, это уж я на всякий случай осторожничаю. А самое лучшее, Маркел, если вы с ней повенчаетесь да съедете в другой околоток, где вас никто не знает. Вон, хоть в Коломну или в Пески. Подале от Невской першпективы. Тогда жену к тебе в паспорт запишут, а мою бумагу сможете в печи спалить.

Онемев от счастья, Маркел не сразу нашёлся что ответить, кульком повалившись в ноги карлика. Даже стоя на коленях, он был выше его ростом:

– Кифа Тихонович, благодетель, вот уважил так уважил. Из ямы Божию душу вытащил, не дал погубить девку. Доброе дело ты сделал. Зачтётся тебе это на небесах. А от меня прими награду ради Христа.

Рванув ворот, Маркел вытащил из-за пазухи заранее приготовленную мошну в холщовом мешочке.

– Доброе дело, говоришь? – Кифа опустил голову на грудь и долго молчал, а когда посмотрел на Маркела, то в глазах его стояли слёзы. – Прежде добрых дел я николи не делал.

Казнить казнил, а миловать не доводилось. Деньги с тебя не возьму. Мне казна давно без надобности, я власть над сильненькими люблю. Иной раз велю твою бочку на телегу поставить,

сяду внутрь и катаюсь по городу, подсматриваю, подслушиваю. Смотрю и хохочу, если вижу, как какой-нибудь вельможа из себя генерала корчит, а я знаю, что им жена помыкает да за волосы дерёт. А недавно случай был... – Он вдруг махнул рукой и замолчал. – Разболтался я с тобой. Иди, Маркел, и деньги забери.

– Я их тогда в церковь снесу, – сказал Маркел, – попрошу молиться за твою душу. Авось тебе какие-нибудь грехи простятся, Господь милосерден.

Лет через пяток, когда Волчегорские прочно обосновались на новом месте, до Маркела дошли слухи, что кабак Сидора сожгли и собаки несколько дней таскали по задворкам тело какого-то карлы, пока местные мужики не заметили и не похоронили страдальца. Вместе с Кифой Тихоновичем ушла в могилу и тайна Натальи Волчегорской, ныне матери трёх сынов – одного Маркелова и двух своих.

* * *

– Перевёз семейство с одного козьего болота на другое, – посмеивался Маркел, когда старые знакомцы любопытствовали, куда он запропастился с Петербургской стороны.

Козьих болот в Петербурге было два – одно в старину расстилалось на месте Пушкарской слободы, а другое и ныне пузырится в Коломне, близ мутной речки Фонтанки и Галерной верфи.

Помня совет Кифы Тихоновича поселиться подалье от любопытных глаз, Маркел выбрал Калинкину деревню, что напротив Галерной верфи. Одноэтажное деревянное предместье утлопало в яблоневох садах и терпко пахло корабельным смоляным духом, что доносил ветер с верфи. Люд здесь жил небогатый, разночинный, много матросни и мастеровых, а дороги столь разбиты, что вельможи сюда носа не совали. Год за годом страшная тень князя Щепкина-Разуваева медленно растворялась в духмяном деревенском воздухе, лишь изредка пролегая складкой меж бровей Натальюшки-души.

В предместье обустроились быстро и прочно, прикупив крепкий дом на высокой каменной кладке из валунов.

Стали жить не тужить. Да и с чего бы унывать, если любовь помогает, крылья даёт. Глядя на Наташу с сынами, Маркел думал, что если бы не случилось в их жизнях бед, то разве ценили бы они сейчас своё счастье столь глубоко и трепетно? Тринадцать лет прошло с того дня, как он стукнул в дверь Параскевы Антоновой и протянул Натальюшке грамотку с печатями:

– Лети куда заблагорассудится, голубка. Твоя воля. А хочешь, бери меня со всем добром. Слово даю, никогда тебе от меня обиды не будет.

Сейчас при виде улыбки на устах жены его сердце стучит так же часто, как тогда, в ожидании ответа.

– Никуда не хочу улетать от тебя, – шепнула она еле слышно, покрасневшись маковым цветом. – Ежели не прогонишь, то позволь хоть изредка навещать вас с Егорушкой. Негоже мальчонке расти без ласки.

Нынче у них трое сыновей. Все как на подбор умненькие и красивые. Свет Натальюшка научила их грамоте и доброте. Старший Егор уже помощник – такие кадушки делает, что бабы за ними в очередь выстраиваются. Не ленится узор по краю выжечь или ещё какую забаву придумать, чтобы завлечь покупателя. Глядишь, и ахнуть не успеешь, как надобно ему невесту приглядывать.

Средний Алёша тянется к корабельному делу – что ни день на верфях пропадает. Стоит, рот разинув, смотрит, как громадными рёбрами поднимаются вверх борта корабля. Иной раз его попросят гвоздь подать или молоток отнести – он и радёшенек стараться! Кидается выполнять так, что пятки сверкают.

А тут ещё удумал аглицким языком заниматься. Говорит, уже с приедем мальчонкой столковался, сыном повара, благо до Галерной²⁸набережной чуть больше версты. Алёша станет иноземца учить по-русски понимать, а тот взамен – по-аглицки.

А младшенький Никитка заявил, что станет судьёй в напудренном парике и никому не даст засудить невинного! Маркел сперва его на смех поднял, куда, мол, нам, лапотникам, в калашный ряд, а потом размыслил: пути Господни неисповедимы, и, может, не Никита, а потомки его выполнят задуманное. Всё в руке Божией.

* * *

Наташа разбудила его посреди ночи:

– Маркелушка, просыпайся.

Свеча в руке жены осветила её глубокие глаза-озёра и расплетённую косу на плече.

Он двумя руками потянулся обнять. Любил её такую: растрёпанную, румяную, но Наташа покачала головой:

– Вставай, беда у нас.

– Беда?

Маркел вскочил, на ходу натягивая порты. Запрыгал на одной ноге. Откинув ситцевый полог, выглянул в горницу.

– Что стряслось?

– Потоп. Вода прибывает. Бери ребят, вздымайте из подвала кадки с соленьями.

Ветер с бешеной силой колотил в окна, дребезжа стёклами. Обломанные ветки деревьев градом стучали по кровле из свежей дранки, дождём осыпаясь вниз.

«Сейчас крышу дочиста обдерёт», – подумал Маркел.

Он бросился на крыльцо, едва устояв от удара буйного ветра. Вода плескалась уже на ступенях. В полной темноте буря крушила и рвала город на части, не щадя ни старого, ни малого. По двору на волнах бултыхались пустые бочки и кадки из мастерской. К дверям жался дрожащий пёс Сявка. Маркел запустил его в сени.

Вода поднималась так быстро, словно на реке плотину прорвало. Только что было по вторую ступеньку, а уже через порог переливается.

Маркел оттолкнул ногой бочонок, заказанный купчихой Чубаровой, и крикнул в глубь дома:

– Бросайте всё, подымайтесь на чердак!

– Да что ты, сперва капусту надо вытащить, – отозвалась Наташа. – Недавно засолили две бочки. И варенье крыжовенное пропадёт.

Она загрела горшками в подполе, выставляя их на пол возле печи. Алёшка и Никитка принимали груз.

– Жизнь дороже капусты! – рявкнул Маркел. – Живо на чердак с мальцами! Наш дом крепкий, выстоит. А Егор поди сюда.

– Я здесь, тятя.

Егор уже стоял рядом, полностью одетый, с топориком за поясом.

Хоть и не до похвалы было, а всё же не удержался, хлопнул сына по плечу и, перекрикивая вой ветра, прокричал:

– Ловок! Только здесь надо не топор, а багор.

Его слова перекрыл страшный треск, и в соседской избе с хрустом вылетели деревянные ставни, а потом одно за одним стали проваливаться вниз брёвна.

²⁸ Ныне Английская набережная. В XVIII в. здесь начали селиться английские купцы и была открыта англиканская церковь.

– Да там же детей, как гороха! – воскликнул Маркел.

Не разбирая пути, он шагнул в ледяную воду и уже на ходу, обернувшись, погрозил кулаком Егору:

– Отлучаться не смей! Береги мать с братьями и подсобляй тому, кто придёт за помощью. Понял?

– Да.

Глаза Егора тревожно расширились, но голос звучал твёрдо.

Воды было по грудь. Немедленно вымокнув насквозь, Маркел сумел добраться до соседей и сразу же подхватил визжащего малыша Фролку. За ним выловил годовалую Дуську, что накрепко держалась за борта люльки. Сами родители – Пётр и Манька – обезумев от ужаса, тащили из дома расслабленного деда Савву. Тот плакал и просил бросить его и спасти детей.

– Идите к нам, Наташа с Егором помогут, – махнул рукой Маркел в сторону своего дома.

Сам отнёс Егору орущих Фролку с Дуськой, и вдруг увидел пустой ялик, что плыл вдоль улицы. Маркел напряг силы, догнал, схватил рукой за борт и тяжело перевалился на его дно, на удивление почти сухое. Мокрая одежда мешала двигаться. Холодный ветер студил тело почище ледяной корки, что валит корабли на дно моря. Маркел не боялся обморозиться насмерть, но в глубине души спасительным колокольцем зазвучала молитва Иисусова: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Слова грели и успокаивали, придавая мыслям ясность, а рукам крепость и силу.

Мимо плыли брёвна, куры, козы, какие-то тряпки, лыковые корзины. Кружили в водовороте дрова с целой поленицы. Увидев впереди ныряющую женскую голову, он направил ялик туда и протянул руку:

– Залезай, живы будем – не помрём.

Сердце резало, пот застилал глаза, а спину студило порывами ветра. Тяжёлая серая волна билась о борт ялика, где, свернувшись в комок, тихо подвывала незнакомая женщина.

Высматривая следующих утопленников, Маркела кольнула тревога: «А ведь, поди, и Васильевский залило, и Петербургскую сторону. На островах земли низкие, в потоп всегда мокро. Как там блаженная? Сыщёт ли помощь?»

Маркел заволновался, стал вспоминать, к кому Ксения любила заходить, и гадал, устоит ли Матфеевская церковь против напора реки, не рухнут ли стены? В церкви много людей спастись могут.

Казалось, что конца не будет ни этой ночи, ни страшным холодным волнам, ни крикам людей, которым он ничем не мог помочь. Он подобрал ещё трёх человек и сквозь мутный рассвет стал высматривать высокое место, куда их посадить. Впереди, на набережной Фонтанки, скалой маячила громада каменного дома со всполохами свечей за оконными стёклами. Его ялик столкнулся с другой лодкой, переполненной людьми. Кто-то громко выругался по-иностранному и, перейдя на русский, крикнул:

– Эй, мужик, помоги! Прими от меня людей, а то перевернусь!

Маркел увидел барина в шлафроке с намокшим мехом. С веслом в руках тот стоял на одном колене и пытался удержать на плаву тяжелогружёную лодку.

– Давай переваливай! – Маркел показал рукой на свободное место, и в сей же миг через борт плюхнулась толстая баба в исподнем белье. Видать, потоп застал её во время сна.

– Куда, дурища?! Держись за борт! – заорал барин.

Вздывая брызги, баба заколошматила руками по воде, раскачивая утлый чёлн, с которого выпрыгнула.

Ялик Маркела был поболее и поустойчивее. Люди с его кормы тянулись к бабе, кричали, пытались поймать её за волосы. Но куда там!

Сильно ударив ладонями по воде, она ушла под дно лодки.

Потом внезапно вынырнула с другой стороны челна. Над водой сверкнул широко распахнутый в крике рот. Вращая глазами, баба задыхалась и трепыхалась, как рыба в сети.

– Ах, чтоб тебя разобрала нелёгкая! Хватайся! – рывком барин сунул ей лопасть весла.

«Зря он», – мелькнуло в голове у Маркела, но поздно, потому что баба вцепилась в весло, повиснув на нём всем телом, и не успел барин охнуть, как сверзился вниз. Наверное, он ударился виском об угол, потому что внезапно побелел и опрокинулся на спину, распуская по воде полы шлафрока.

* * *

К полудню вода начала спадать. Бледное солнце осветило разбитый в щепы город, где брёвна раскатанных изб мешались с мраморными статуями Летнего сада, павшей скотиной и утопленниками.

Ночью государыня Екатерина Алексеевна служила молебны и коленопреклонённо была поклоны перед иконами, а днём, испив кофею, села за начатое письмо немецкому профессору Гримму, с коим имела многолетнюю переписку:

«Порыв ветра разбудил меня в пять часов. Я позвонила и мне доложили, что вода у моего крыльца и готова залить его. Я сказала: если так, то отпустить часовых с внутренних дворов, а то, пожалуй, они вздумают бороться с напором воды и погубят себя; сказано – сделано; желая узнать поближе, в чем дело, я пошла в Эрмитаж. Нева представляла зрелище разрушения Иерусалима. По набережной, которая ещё не окончена, громоздились трёхмачтовые купеческие корабли. Я сказала: “Боже мой! Биржа переменила место, графу Михаилу придётся устроить таможенную там, где был Эрмитажный театр”. Сколько разбитых стёкол! Сколько опрокинутых горшков с цветами! И как будто под стать цветочным горшкам на полу и на диванах лежали фарфоровые горшки с каминов. Нечего сказать, тут таки похозяйничали!

И к чему это? Но об этом нечего и спрашивать. Нынче утром ни к одной даме не придет её парикмахер, не для кого служить обедню и на куртаге (царском приеме) будет пусто... Обедаю дома: вода сбыла и, как вам известно, я не потонула»²⁹.

Днём в Зимний дворец призвали для ответа полицмейстера Чичерина. Расхаживая по кабинету – от ярости не сиделось, императрица метала грома и молнии.

Чичерин стоял ни жив ни мёртв и через два дня скончался, не вынеся позора.

После наводнения 1777 года были изданы «Правила для жителей – что делать в минуту опасности». В них, в частности, сообщалось, что теперь о приближении стихии будут предупреждать «пальбой из крепости и сигнальным флагом днём и фонарями ночью».

* * *

Когда мокрый, продрогший Маркел прибрёл в родной двор, сыновья схватили его под руки и повели по лестнице вверх, на чердак, в кладовую, где хранилась всякая рухлядь. В самом доме вода стояла по щиколотку. Домотканые коврики плавали поверху.

Наташа накинула ему на плечи тулуп и с заплаканными глазами крепко прижалась к плечу:

– Не чаяла и свидеться.

Он так измучался, что даже не мог говорить. Всё, на что хватило сил, это рухнуть на сундук с толстым сенником.

Наташа всунула в руки кружку с горячим сбитнем:

²⁹ *Ким Померанец. Несчастье невских берегов. М.: Центрполиграф, 2009.*

– Прими, Маркелушка, попей, чтобы согреться.

Он вяло удивился, как она ухитрилась развести огонь, если печь мокрая, но попытаться не стал. Медовый сбитень мягко прокатился по внутренностям, согревая иззябший живот и грудь. Ноги и руки отяжелели. Маркел позволил переодеть себя в сухое и провалился в тёмную бездну. Спал совсем недолго и проснулся оттого, что Наташа гладила его по голове, по лицу, что-то тихонько причитая. Не открывая глаз, он поймал её руку и прижал к щеке.

Она забормотала:

– Спи, спи. Ты устал. У нас, слава Господу, всё хорошо. Чудеса, да и только. И лошадь уцелела, и хлев с живностью, и соседи спаслись. Отдыхай, успеешь наработаться.

– Нет. Дело у меня. – Превозмогая каменную усталость, Маркел сел. – Поддай старые сапоги, те, что со рваным голенищем.

Чтобы не пугать жену, старался, чтобы руки не дрожали. Но обмануть не удалось. Встав на колени, она обула его сама и пошла сзади.

– Я с тобой. Ой, что в городе творится! Наш дом один на улице устоял, так к нам, почитай, все соседи набились. Внизу сидят. Я собрала на стол, что могла, да отдала кой-какие тряпки детей спеленать.

Он повернулся:

– Наташа, оставайся дома, не ходи за мной. Мне надо утонувшего барина к полицейскому участку доставить. Мы с Егором справимся. Негоже тебе смотреть на покойников.

– Я не боюсь покойников, – не отставала она.

– Наташа!

– Я пойду. Ничего со мной не случится!

По щиколотку в воде она упрямо шагала рядом, всем своим видом показывая, что больше не намерена оставлять его одного.

Смотреть на улицу было страшно: покосившиеся избы, груды обломков, вывороченные деревья. Поток воды вздыбил дощатый настил вдоль заборов, перевернул камни мостовой, снёс мост через речку Фонтанку. Грязными комочками под ногами валялись тушки куриц, которых трепали обезумевшие от свободы собаки. Пережившие потоп люди копошились возле обломков домов. Вдалеке истошно и безысходно кричала женщина.

Маркел показал рукой в тупик, где на земле приткнулся нос ялика:

– Пришлось оставить покойника в лодке. Вода стала уходить, и мы оказались на мели. – Вскинув голову, он озабоченно посмотрел на стаи птиц, что с криками носились над растерзанным городом. Утопленник лежал лицом вниз, словно охапка тряпья, что валялась под ногами в мутной жиже. Шёлковый шлафрок на спине уже подсыхал, отливая ярким цветом осенних листьев.

Отстранив Наташу за спину, Маркел подозвал Егора с носилками для кирпичей.

– Коротки для человека, но других нет. – Словами Маркел отодвигал от души тяжесть предстоящей работы. Барина было жалко, тем паче, что погиб он нелепо. Баба, которой он весло протянул, жива-живёхонька. Слушала бы, что ей толкуют, то оба спаслись бы.

– Ну, Господи, помилуй, – перекрестился Маркел перед тем, как взяться за плечи покойника. – Бери его, Егорушка, за ноги.

Когда голова барина стукнулась о носилки, Маркел краем глаза взглянул на Наташу.

Прижав руки к груди, она стояла белая как снег, и думалось, что вот-вот упадёт. Ужас, застывший в её глазах, разом всколыхнул давно пережитое, которому, казалось, нет возврата. Маркел схватился за голову:

– Он?

Наташа кивнула:

– Он, Щепкин-Разуваев.

Чувствуя, как колотится Наташино сердце, Маркел крепко прижал её к себе, мечтая защитить от всех неурядиц брэнного мира – и бывших, и будущих:

– Вот, значит, когда судьба распорядилась свидеться тебе со своим погубителем.

Новым взглядом он посмотрел на скукоженное лицо князя с посиневшими губами. Было странно думать, что несколько часов назад этот человек имел власть казнить и миловать. Неправедно это, не по чести и совести. Бог создал всех равными, и, умножая грехи, люди приближают Судный День, который обязательно настанет. Дай Бог, чтобы он не коснулся невиновных.

Утешая жену, Маркел прикоснулся губами к её виску, ощутив нежную теплоту кожи. Наташа молчала, но в слабой улыбке жены он угадал успокоение и прощение.

* * *

К ночи дом Волчегорских переполнился соседями, как кадка солёными груздями в грибной год. Не беда, что половые доски разбухли от сырости, а в оконцах выбиты стёкла, главное, что цела крыша над головой да на костре сварен полный котёл горячей похлёбки. По рукам пустили каравай хлеба, на стол поставили блюдо квашеной капусты с клюквой, прочли молитву, и жизнь показалась чуть-чуть краше. После ужина стали готовиться ко сну – силы были на исходе. На печь, ещё мокрую понизу, натаскали ребятишек, что помладше да потоньше косточкой. Младенцев баюкали мамки. Мужики притыкались, где могли: кто на полу, кто в сенях, кто на ступеньках в подклети. Сюда же соседская девчонка Матрёша притащила в подоле поросёнка. Цокая копытцами, он бегал от человека к человеку и совал в лицо спящим мокрое рыльце. За бессонной ночью и разбором завалов народ устал так, что сморило всех намертво.

Даже груднички притихли. Ну, да им проще жить – пропитание завсегда рядом. Сами хозяева ушли спать на чердак, чтобы не смущать постояльцев. Сыновья завалились рядком на половиках, а Маркел с Наташей ушли в кладовую, наполненную осенним холодом. От подвешенных под потолком банных веников растекался тонкий берёзовый дух. На полу, у стены, стояло корыто с сушёными яблоками. В бочке под гнётом томилась пареная брусника.

«Господь свидетель, я изо всех сил пытался спасти князя, – думал Маркел, лёжа на сеннике. – Но сделал бы я это, зная наперёд, что он Натальюшкин покуситель? Смог бы оттолкнуть его руку и смотреть, как он тонет?»

Мучавший его вопрос не давал смежить веки. Маркел тяжело заворочался, застонал, сизнова прокручивая в голове тягость прошедшего дня. Одна подробность цеплялась за другую, и начинало казаться, что поступи он умнее – и всё вышло бы лучше, легче, правильнее. И больше людей мог бы спасти, и Щепкин-Разуваев остался бы жить. На воспоминании о князе мысль спотыкалась, возвращаясь к началу.

– Не спишь? – одними губами шепнула Наташа. – Мне тоже неможется. Всё про князя думаю. Скоро голова лопнет. Должна бы радоваться, что теперь меня некому изловить да в острог отправить, а не могу. И знаешь, Маркелушка, ведь он не погубитель, а благодетель! – Жена приподнялась на локте и уткнулась ему в бороду, щекоча дыханием.

– Как так, голубка? Не пойму я, о чём ты толкуешь?

– А так! Не пожелай он меня тогда, разве я бросилась бы бежать без памяти? Представляла бы пьесы в театре, пела, плясала, пока не вошла в возраст. Далее меня, как всех актёрок, графиня замуж выдала бы за какого-нибудь дворового или продала. И никогда бы я тебя не узнала, и не было бы у нас трёх сынов – трёх ясных солнышек, а ты, Маркелушка, на другой бы женился. Как подумую, что Егору могла достаться злая мачеха, так сердце заходится.

Слёзы закапали Маркелу на щёки, и он не понял, Наташа ли плачет либо он. Хорошо, что в темноте не видно. Он погладил её по плечу, по голове. Задержался пальцами у пряди волос над ухом, что были тоньше шёлковых нитей.

А ведь если задуматься, то Наташа права. И получалось, что надобно не хулить князя, а помолиться за его грешную душу, тем паче что именно он, сам того не ведая, свёл их с Наташей. Да ещё, пожалуй, блаженная Ксения. Ведь он во рву её спасать кинулся, в красной юбке и зелёной кофте. А вместо неё увидел Натальюшку.

Завздохав, Маркел сел, обхватил голову руками и крепко зажмурился от разрывающих душу дум. Дорожки к счастью бывают ох какие каменистые, все ноженьки изранишь, пока доберёшься. Главное – не ошибиться на перепутье, не струсить, повернуть в верную сторону. Только поди знай, какая из сторон верная?..

* * *

Четвёрка вороных с трудом волокла карету по непролазной грязи. После потопа прошёл месяц, а канавы ещё полны мутной водой, которая захлёстывала на проезжую дорогу и растекалась лужами. Колыхались красные султаны над ушами лошадей, тренькали бубенцы на сбруе. Забрызганный грязью форейтор, погоняя переднюю пару, охрип от крика. То и дело кучеру приходилось останавливаться, и тогда с запяток соскакивали два дюжих лакея в некогда белых перчатках и оттаскивали с дороги брёвна и мусор.

На Петербургскую сторону к бедному люду такие гости наезжали редко, поэтому на карету смотрели разинув рот, как на диковинку. У церкви Апостола Матфея карета остановилась, и один из лакеев взбежал на паперть. Глаз у него оказался алмазом, потому что он ошибочно определил большака ватаги нищих Фиму Корытова и направился прямо к нему:

– Говорят, у вас тут блаженная Ксения обитает. Та, чья молитва до Бога доходит. Скажешь, где найти, – получишь копейку.

Для порядка Фима лихорадочно забился, затряс головой, а потом сурово отрезал:

– Пятак.

– Ну ты и жмот, – возмутился лакей, – да за такую ерундовину и полушки³⁰ много! – но пятак дал, вытащив его из огромного кармана ливреи.

Фима задумчиво поколупал монету грязным пальцем, зачем-то понюхал, а потом кивнул головой в сторону Сытнинской площади:

– Туда побрела. Загляни к ложечнику Ваньке, мабудь, она там. Ванька больно ловко на ложках стучит, около него всегда много народу трётся. Мимо и захочешь – не пройдёшь.

Скрипя колёсами, карета двинулась дальше, а Фима скорчил бандитскую рожу и подмигнул Палашке-хромоножке, что раззявила рот от любопытства.

– Учись, как господ дурить. Брякнул два слова, и пятак в кармане. Не беда, что блаженная в другую сторону пошла, с их сиятельств не убудет. У них денег куры не клюют. Видала, карета вся в золоте, у самих Нарышкиных хуже изукрашена. А граф Суворов, Александр Васильевич, и вовсе в простеньком возке ездит, даром, что победитель турок.

Он посмотрел вослед скрывшейся за поворотом карете, что оставила после себя глубокую колею в чёрной жиже, и скривил рот:

– Ежели бы все, кто блаженную ищет, мне по пятаку давали, то я уже озолотился бы.

³⁰ Полушка – ¼ копейки.

* * *

Единообразные дома в солдатских слободах стояли рядом, по ранжиру, словно войска на плацу, поэтому лавку с островерхой крышей и фонарём над дверью было видно издалека. Да и толпа перед входом собралась немалая.

Ветер трепал подола юбок у жёнок и гонял по земле клочки сена с возов, что привезли битую птицу и пару свиных туш.

Несколько мужичков в армяках, размахивая руками, толковали между собой.

Попав колесом в глубокую колею, карета остановилась, едва не кувырнув набок.

– Да будь ты неладен! – закричал кучер форейтору. – Смотри, куда правишь, олух безмозглый! В следующий раз кнутом ожгу.

В это время люди у лавки пришли в движение, пропустив вперёд себя нищенку в потрёпанной красной юбке и зелёной кофте. С клюкой в руках она медленно побрела по дощатому настилу и, казалось, не замечала ничего вокруг.

– Постой, Андрей Фёдорович! – закричала ей вслед молодая женщина с ребёнком. – Постой, болеет у меня дитятко! Помолись за сынка!

Блаженная оборотилась и, пока женщина бежала к ней, смотрела, как ветер терзает в небе облака, что летели в сторону моря.

– Андрей Фёдорович, утоли мои печали! Век тебя буду помнить!

Сбившийся платок женщины упал вниз, на косы. Блаженная улыбнулась, и хныкавший ребёнок на материнских руках тоже заулыбался, загукал, залепетал, словно желая рассказать всем что-то очень важное и сокровенное.

– Спаси, Господи, – тихо произнесла блаженная.

Быстрым движением она погладила малыша по головке и двинулась по пути застрявшей кареты. Дверцы кареты распахнулись, и оттуда, словно вихрем повеяло – так резво выпрыгнула барыня, да не абы какая, а вся в шелках и бархатах. Даже сапожки, что мелькнули из-под юбки, и те шёлковые.

Толпа так и ахнула, особенно бабы. Та, что с ребёнком стояла, замерла на месте, не зная, куда бежать. Мужики сорвали с голов шапки, но кланяться не спешили, выжидали, явно определяя, что за барыня в их краях объявилась. Впрочем, барыня в их сторону даже не глянула. Она рванулась к блаженной, поднимая с парика облако пудры. Подбежала, схватила за руку и зарыдала в голос:

– Я знаю, ты та юродивая, что удачу приносишь. Говорят, Бог тебя любит и молитва твоя доходчива. Помолись за меня! Сколь хочешь дам денег. – Раскрыв кожаный мешочек, что болтался на локте, барыня высыпала на ладонь груду серебра: – Вот, возьми.

Барыня стала совать в руки блаженной деньги, и они дождём падали на землю, прямо в грязь. Барыня нетерпеливо стукнула каблучками. Сапожки барыни и подол юбки уже успели замараться в грязи, что лежала брызгами на пунцовом шёлке накидки.

– Глянь, а сиятельство-то, когда плачет, оказывается, простая баба, как мы с тобой, – шепнула солдатка Марья вдове барабанщика. – Ишь, деньгами как разбрасывается, сразу видно, не горбом они ей достаются, а с неба валят, навроде снега. – Она облизала губы. – Как думаешь, Стешка, возьмёт Ксения плату али нет?

– Не возьмёт, – сказала барабанщица, – она у купца Протасова золотой не взяла. Я собственными глазами видела. Так тому и отрезала: «Ты, мол, покупателей обмишуриваешь, не буду пачкаться об твоё подношение».

– Сама слышала?

– Бабы сказывали.

Замолчав, обе впились глазами в упавшие деньги, которые барыня, судя по всему, не собиралась поднимать. С униженными поклонами барыня волочилась позади блаженной и горячо бормотала что-то неразборчивое.

– Осерчала Ксенюшка, вон лицо какое суровое, – заметила барабанщица, придвигаясь поближе к монеткам в грязи и стараясь повернуться так, чтоб перекрыть доступ мужикам, что тоже стали подступать к серебряной россыпи.

– К тебе барыня привяжется, как банный лист, и ты не возрадуешься. – Солдатка стала приседать на корточки, вроде бы как онучи на лаптях поправить.

– Но-но, не балуй! – кнутом щёлкнул в воздухе резкий оклик. – Убирайте свои лапы от чужого добра!

Народ, сгрудившийся вокруг монет, вздрогнул. Соскочившие с запяток лакеи споро подобрали брошенное и рассовали по карманам:

– Не вам, лапотникам, предназначены. Её сиятельству вернём в целости и сохранности.

Барабанщица усмехнулась:

– Как же, вернут, жди, себе заграбастают. – Она оборотилась к мужикам: – А не будет им счастья с тех денег. Никому не будет. Потому как Ксенюшка и не взяла у них ни грошика. Знает, что богатство несправедливое.

– И то верно, – сказал один из мужиков с окладистой бородой. – Да вот и барыня обратно бежит. Ишь, какая недовольная, аж ножкой притопывает. Видать, не солоно хлебавши.

Хлопнула дверца, щёлкнул кнутом кучер, фореитор пришпорил коня, и карета с неповоротливой медлительностью развернулась в сторону выезда.

* * *

Маркел не замечал, как с годами белеют Наташины волосы и как от улыбки сбегаются к глазам тонкие морщинки – она для него всегда была хороша. Лишь на свадьбе младшего сына взглянул на Наташу со стороны и вдруг увидев, как она осунулась, ахнул. Даже новый цветастый плат в яркой росписи не розовил щёки.

– Не захворала ли, моя лапушка?

Ждал ответа, а сердце от тревоги в пятки улетало – а если и вправду скажет плохое?

Но Наташа лишь покачала головой:

– Устала. Сам знаешь, вчера весь день пробегала по делам и сегодня с полночи кручусь по хозяйству, чтоб в грязь лицом перед гостями не ударить. Свадьбу справить – не шутка, тем паче, что последний соколик из гнезда вылетает. – Она легко смахнула слезинку с ресниц – всё таких же густых и длинных, как в молодости.

– Коли так, то твоя правда. Я тоже едва на ногах стою, – заулыбался Маркел от радости, что его страхи оказались напрасны.

Вчера, накануне венчания, всей семьёй встречали постельный поезд³¹ажно из трёх подвод, как положено у справных хозяев, без малого почти купцов. Гильдейский сбор в казну был уплачен, и Маркелу лишь оставалось получить купеческую грамоту.

На первой подводе, по обычаю, везли икону и диковинку – самовар! Такого чуда во всём граде Петровом по пальцам одной руки пересчитать можно. Подумать только: без печи воду кипятит, успевай лишь щепы подкидывать. Ну да в доме бондаря в стружках недостатка не бывает.

Рядом с самоваром на телеге сидел мальчик-блюдник в обнимку с медным блюдом, где стояла сахарная голова, изукрашенная лентами, чтобы подсластить молодым жизнь, и лежало несколько заморских земляных яблок, названием картофель. Говорят, вкуса отменного, и

³¹ *Постельный поезд* – обоз с приданым невесты.

ежели оный развести на огороде, то вскоре урожай всё семейство прокормит. К слову, выглядели сии яблоки препогано, словно у коней из-под хвоста нападали. Ну да на подарки грех косоротиться.

На второй подводе везли посуду, постель и всяческий скарб, что невестам положено в дом приносить. Рядом с кучером сидела крёстная мать невесты, которая держала в руках серебряную позлащённую солонку с солью, дабы будущим хозяева не пришлось без соли щи хлебать.

А уж третья подвода везла новую родню с описью приданого да сваху, шустрюю тётку Агриппину.

Принять всех, угостить, ублажить да обряды соблюсти – хлопот полон рот.

То ли дело, когда они с Наташей венчались. Ни тебе приданого, ни гостей, вместо кружевного покрывала на головку невесты – тучки небесные, а вместо богатого пира – утка, пирог с яблоками да пряный сбитень с лесным мёдом.

Когда шли с венчания, встретили на Пушкарской блаженную Ксению. Кланяясь ей в пояс, Маркел сразу понял, что им послан добрый знак, будто солнышком осиявший их с Наташей супружество.

Жена, голубонька, прочитала его мысли как по Псалтири и тихо прошептала, только для его ушей:

– Счастливые мы с тобой, Маркелушка, ох и счастливые! Молюсь, чтобы хоть частичка нашего счастья перешла на детей и внуков.

– И я молюсь, – шевельнул губами Маркел. – Верю, и заступница наша, петербургская, о нас молится. Сам видал, как она на ночь в лес уходит и кланяется на четыре стороны.

Он посмотрел в Наташины глаза, любимые и глубокие, как озёра, и подумал, что Господь не зря послал в мир любовь, ибо она и есть Царствие Небесное на земле.

* * *

Через много лет, когда родные будут провожать купца третьей гильдии Маркела Волчегорского в последний путь, близ Смоленского кладбища они увидят огромную толпу горожан. Телеги, повозки и кареты запрудят мостовые, начиная с Большого проспекта, что тянется через весь Васильевский остров.

Пробиваться ко входу придётся в объезд, с обратной стороны кладбища. Заплаканная Наталья взглянет на детей, внуков, невесток, что будут жаться друг к другу, как осиротевшие птенцы, и подумает, что жизнь Маркела промелькнула ласточкиным крылом и скоро совсем исчезнет за тучами.

– Почему столько народу, кого хоронят? – спросит она молодую бабу с малыми ребятишками.

Звучно всхлипнув, баба вытрет глаза концом платка:

– Блаженную нашу петербургскую хоронят, Ксению.

– Ксению...

Наталья вдруг почувствует невнятную радость, словно бы не одного отправляет Маркелушку в дальний путь, а с провожатой, что тихой походкой пройдёт вместе с ним по мосту через вечность.

Нынешнее...

Чтобы слёзы не капали на крупу, Рита промокнула глаза бумажной салфеткой. Прежде ей никогда не приходило в голову перебирать гречку. Она и сейчас не понимала, зачем усердные хозяйки это делают, просто требовалось занять руки, чтобы из пальцев исчезла противная дрожь и перестало гудеть в ушах. Шум в ушах сводил её с ума. Казалось, что ты летишь на самолёте в бесконечном рейсе и уже не веришь, что затерявшийся в пути борт пойдёт на посадку. С тех пор как раздался звонок из спортивного центра, она вся превратилась в желе, готовое вот-вот растечься по полу.

Звонила директор – энергичная дама, которую все называли без отчества, просто Мария.

– Рита... – по деревянной интонации женского голоса стало ясно, что случилось что-то страшное, почти невозможное.

Оттягивая момент, Рита с наигранной весёлостью ответила:

– Слушаю, Мария. Кстати, я тебе передала с Виктором мою фирменную вагрушку. Ты недавно спрашивала рецепт. Напомни ему, чтобы не зажил, когда пойдёте обедать. Ты же знаешь, какой Витя обжора – может до тебя не донести.

– Рита, – в трубке раздалось тихое всхлипывание, – Рита, Витя умер. Врач со «Скорой» определил инсульт.

До неё не сразу дошёл смысл сказанного. Мария не имеет права так жестоко шутить. Умереть может кто угодно, только не её муж. Сорокалетние тренеры, чемпионы в многоборье, не умирают от инсульта. Наверняка это какая-то глупая ошибка, и Мария сейчас рассмеётся и извинится.

– Этого не может быть, – тупо возразила она, – мы завтра должны идти покупать новый диван.

И почему язык сболтнул про диван? Непонятно.

Снова потянувшись за салфеткой, Рита обратила внимание, что обручальное кольцо болтается на пальце. Боже мой! Ещё совсем недавно она мечтала о том, чтобы похудеть к весне!

Сутки после Витиной смерти остались в памяти чёрной дырой с отвратительным запахом валерианы и горя. Проблески сознания вернулись только на Смоленском кладбище, когда смотритель назвал цену за захоронение. Мария – они пришли на кладбище вдвоём – охнула:

– Сколько?

Она встряхнула Риту за локоть:

– Рита, опомнись, ты не наберёшь нужную сумму. Я же знаю ваши возможности. Давай позвоним на Ковалёвское кладбище, у меня там есть знакомые, недорого выберут хорошее место.

– Нет, – поспешно сказала Рита, – я согласна на любую цену. У нас было отложено на отпуск и ремонт. Ты понимаешь, Маша, я обязана сделать для Вити всё, что могу.

Ей казалось очень важным похоронить мужа именно на Смоленском. Витя – коренной петербуржец с Васильевского острова – должен остаться там, где жил и учился. Он не любил перемен в жизни и наверняка не одобрил бы переезд на другой конец города.

От неверного движения гречневая крупа брызнула во все стороны, падая на пол затвердевшими каплями.

«Надо взять веник и подмести», – не сдвигаясь с места, подумала Рита.

Чтобы унять дрожь, она обхватила плечи руками. Тонкий халатик совершенно не грел. За последние дни кругом были только холод и тьма. Взгляд наткнулся на грудку посуды в раковине. К весне Витя планировал грандиозный ремонт с посудомойкой и встроенным холодильником.

– Если хорошенько подумать над проектом, – мечтал он, – то наши восемь квадратов можно преобразить в шикарную современную кухню. Будем водить сюда экскурсии и брать деньги за показ.

А сейчас зима, и Витю опускали в холодную, мёрзлую землю. Как во сне Рита подошла к окну, словно надеясь, что начавшийся снегопад укутает её боль. Она не сразу расслышала тонкий голос дочери.

– Мам! – Галя звала её уже несколько минут. – Мама, мы с Ромой хотим есть.

Галя ходила в четвёртый класс, а Ромик во второй.

– Да, да, я сейчас! Сейчас, мои хорошие. Я сварила макароны с сосисками.

Рита вдруг вспомнила, что макароны с сосисками были вчера, и позавчера, а Рома вообще ненавидит сосиски и обожает котлеты.

Если бы не дети, то она точно рехнулась бы от невозможности осознать случившееся. Но сын с дочкой теребили, не давали упасть в пропасть. Вечером они с двух сторон забивались к ней под одеяло, и чтобы не испугать детей, волей-неволей приходилось сдерживать рыдания. Разум твердил ей, что она не первая и не последняя теряет мужа, что её горе – песчинка среди огромной пустыни людских бед. Но разве потеря любви может поддаться разуму? Хотя нет, любовь как раз осталась навсегда светить далёкой звездой в небесах.

С третьей попытки Рите удалось сдержать слёзы. Подперев щеку рукой, она смотрела, как дети торопливо глотают макароны с сосисками. Тишина в кухне давила. Обычно дети смеялись, ссорились, болтали, а не сидели, как два старичка со сморщенными личиками. Ей не удавалось их утешить, потому что при первых же словах голос срывался и дрожал.

– Мама, мне завтра надо принести в школу двести рублей на экскурсию. – Галя поставила пустую тарелку в раковину и открыла воду. – Я вымою посуду.

– Вымой, – равнодушно сказала Рита, – а потом возьми деньги в кошельке.

– В кошельке пусто, – встрял Ромик, – я вчера искал деньги, чтобы сдать на билеты в театр, и забрал последние. Ты разрешила. Помнишь?

– Ах, да, деньги. – Прижав руку ко рту, Рита подумала, что деньги, оставшиеся от похорон, должны лежать в шкатулке. Кажется, Мария положила туда несколько пятитысячных купюр, собранных коллегами и друзьями, но основная сумма хранилась у Вити на кредитной карточке, а код знал только он. В сберкассе сказали, что она как наследница первой очереди сможет получить деньги мужа только через полгода, и то если не появятся другие претенденты.

Денег в шкатулке не оказалось. Рита смутно припомнила, что несколько раз ходила в магазин и платила за квартиру.

Как-то давно по телевизору показывали интервью с вдовой молодого и успешного журналиста, погибшего в авиакатастрофе. Бледная женщина в чёрном платье устало рассказывала, что домработница из сочувствия старается покормить её повкуснее, а гувернантка взяла на себя все заботы о сыне. Наверное, если есть деньги, горе переносится по-другому. Но как ни странно, полное отсутствие средств заставило Риту мобилизовать силы и начать думать конструктивно.

– Папа называл мне пин-код своей кредитки, но я его забыла, – сказала Рита больше для себя, чем для детей. – Поэтому, пока я не устроюсь на работу, нам придётся экономить.

* * *

Рано или поздно наступают времена, к которым ты не готов совершенно. Вот так – раз, и не готов. Прежде думалось: любые трудности можно преодолеть, любое дело вытянуть, лишь бы вместе, лишь бы с мужем. И вдруг ты оказываешься главная в семье, и у тебя дети, которые тоже испуганы и растеряны.

– Должен же быть какой-то выход, – произнесла вслух Рита, потому что создавшаяся ситуация с безденежьем требовала немедленного разрешения и обсуждения. Но с кем? Собственные родители после папиной отставки из армии остались жить на Дальнем Востоке, да и тревожить их лишний раз не хотелось, мама и так держалась из последних сил, а у папы большое сердце.

Добросердечия со свёкрами не сложилось, и внуков те никогда не жаловали. Когда Рита с Виктором приехали показать новорождённую Галю, то наткнулись на жёсткое заявление Инны Олеговны. С вызовом смерив взглядом невестку, та отчеканила:

– Я своё уже отлялькала, мужа тебе вырастила, с меня хватит. Сами крутитесь. Мне в своё время никто не помогал.

Удивительно, насколько Витя не походил на мать.

На похоронах свекровь смотрела вокруг с лютой ненавистью и, не стесняясь, шипела вслух, что невестка жила барыней и загнала мужа в могилу. Отношения с мамой Виктора стали стремительно портиться ещё на смотринах, когда выяснилось, что у Риты нет отдельной жилплощади и молодожёны планируют купить квартиру в ипотеку. Как позже поняла Рита, семья Виктора рассчитывала на невесту с приданым и вписываться в финансовую помощь не хотела. Но они и не просили! Сначала снимали клетушку и копили, откладывая каждую копейку, пока маленькая дочка спала в коляске, занимавшей половину помещения. Хорошее было то время – радостное, полное любви и надежд. Ромика принесли из родильного дома уже в эту просторную трёшку с видом на парк. Виктор работал с утра до ночи, участвовал в соревнованиях, брал призы, завоёвывал медали. Он действительно очень много трудился, чтобы обеспечить семью.

– Моя жена не должна пропадать на работе, – полушутливо-полусерьёзно заявлял Виктор. – Я постоянно на сборах, могу вернуться в любой момент и хочу, чтобы дома меня встречала супруга, а не записка на столе и ужин в холодильнике.

Лёжа на кровати, Рита через стенку слышала, что дети ещё не спят. Наверное, играют на планшетниках. Кажется, за Интернет надо платить в конце месяца. А кому? Куда? Интернетом тоже ведал муж. Действительно – жила барыней. После замужества она проучилась в институте всего несколько месяцев, а потом появилась Галя, за ней Рома, и Виктор настоял, чтобы жена сидела дома, занималась детьми и домашним хозяйством. Итог – тридцатилетняя вдова без профессии и средств к существованию, а дети-младшеклассники предполагают стабильный график работы до семнадцати ноль-ноль.

«Я ничего не умею, кроме как быть мамой», – подумала Рита и села на кровати, потому что вспомнила многочисленных бабуль, которые приводят и забирают детей из школы. Вот оно! Надо написать объявление и подыскать место няни. Если жёстко экономить, то можно дотянуть до лета. Летом отправить детей к бабушке, а самой плотно заняться поисками настоящей работы.

Утром она станет отводить своих детей и воспитанника в школу или садик, затем сбегает помыть полы в спортивном центре – Мария обещала место уборщицы, потом заберёт детей, покормит и погуляет. От перечисления будущих обязанностей Рита понемногу начала успокаиваться. Если забить весь день круговертью дел, то горе постепенно перестанет сдавливать горло и позволит вздохнуть. Главное – она вместе с детьми, они семья, и материнская обязанность связать эту семью любовью и взаимопониманием.

Когда в коридоре прошлёпали детские ножки, Рита поднялась. Надо заставить себя пойти и почитать детям книжку, как было заведено уже много лет. Дети так же, как она, растеряны и оглушены горем, и только прежняя стабильность поможет вернуть душевное равновесие.

Невероятным усилием воли Рита сумела почитать детям рассказы о животных. До того как... – Она не могла даже мысленно применить к Виктору слово «умер» и предпочла оставить его недоговорённым. До того как... они остановились на главе про слона. Строчки перед глазамиплыли и путались, голос дрожал, но маленькая победа над собой всё же была одержана.

Потом загрузить стиральную машину, а ближе к полуночи – за компьютер, дать объявление о недорогих услугах няни.

* * *

– Лина, познакомься, я наняла тебе няню. Маргариту...

– Ильиничну, – подсказала Рита.

Она приняла к сведению словечко «нанять», чётко очертившую границу будущих отношений с работодательницей в плоскости хозяйка – прислуга. Но выбирать не приходилось, потому что предложенная зарплата была намного больше той, на которую она рассчитывала. Кроме того, в сложной финансовой ситуации капризничать не резон, а надо смириться и принять вещи по факту.

Первую воспитанницу звали Виталина. Девочка училась в шестом классе, на два года старше Гали, и её надлежало забирать из школы, кормить полдником, два раза в неделю водить на английский язык и один раз на ритмику.

Далее, до прихода мамы, за Линой приглядывала соседка.

Широко распахнутые глаза Лины взирали на мир с прозрачной ясностью безмятежной души. Её белокурые волосы были модно подстрижены и скромно тонированы прядкой над лбом. В отличие от низенькой, неказистой матери для своего возраста Лина была довольно высокой девочкой с ровным носиком и красивыми пухлыми губами.

Театрально вздохнув, Лина наклонила голову набок и с показной наивностью хлопнула ресницами:

– Мама, правда, новая няня не будет меня ругать?

– Нет, конечно, иначе зачем бы мы расстались с Гюзелью.

При встрече Светлана, мама Лины, объяснила, что работает логистом в крупной фирме и усиленно делает карьеру, с мужем разошлась, обеспечена хорошо, поэтому требования к няне будут высокие. И тут же огорошила:

– Кроме всего перечисленного вам надо будет следить, чтобы Лина не сбежала.

Они договорились встретиться в вестибюле школы, пока младшие классы не выпустили с занятий. Рядом увлечённо делились опытом воспитания две бабушки в одинаковых синих пуховиках. Поодаль молодая женщина бурно выясняла отношения с угрюмым подростком. Техничка возила шваброй по полу, едва не задевая за ноги.

– Простите – что? – заволновалась Рита. – Как не сбежала, куда не сбежала?

Лицо Светланы оставалось спокойным. Медленно стягивая с рук перчатки, она пояснила:

– Видите ли, моя Лина – особенная девочка. Я, собственно, поэтому так хорошо и плачу. Дело в том, что за последние полгода она три раза сбежала от няни. Запомните, ей ни в коем случае нельзя делать замечания, только объяснять, уговаривать, отвлекать. – Светлана помолчала и добавила: – Знаете, что такое «ребёнок индиго»?

– Смутно, – ответила Рита, – вроде бы что-то связанное с повышенной возбудимостью?

– Да вы что! – В голосе Светланы прорвалось возмущение. Впрочем, она сразу же взяла себя в руки. – Дети индиго – это особо одарённые дети с тонкой душевной организацией и мудрым взглядом. У них феноменальные способности, недоступные обычным людям. Они нестандартные, улавливаете суть? Не-стан-дарт-ные, – повторила она нараспев. – Дети индиго воспринимают мир по-другому, не так, как мы с вами. Они чутки и ранимы, острее воспринимают одиночество и непонимание. Дети индиго – загадка природы.

Чем дольше Рита слушала о детях индиго, тем яснее в ней поднималось желание встать, извиниться и уйти, а когда Светлана пустилась в объяснение, что вокруг каждого ребёнка индиго светится аура синего цвета, потребность унести ноги стала почти нестерпимой. Она уже

собралась вежливо распрощаться, но вспомнила, что завтра необходимо оплатить две квитанции за школьные обеды и купить Гале новые кроссовки, потому что из старых дочка выросла.

Опустив голову, Рита пересчитала количество напольных плиток вдоль стены и почти обречённо произнесла:

– Хорошо, договорились. С завтрашнего дня я приступаю к работе.

* * *

Торт на кухонном столе знаменовал собой новую веху в жизни. Выбирая покупку, Рита поколебалась между «наполеоном», который любил Виктор, и бисквитом со сбитыми сливками. По привычке она потянулась к «наполеону», но остановилась на полпути. Прикусив задрожавшую губу, Рита сказала себе, что хватит жить прошлым – надо зажать нервы в кулак и сделать шаг в иное измерение, где она главная и единственная опора семьи.

Стол к чаю она накрыла с особенным тщанием, как прежде делала к торжеству. Достала японский сервиз с позолотой – подарок подруг к свадьбе, налила сливок в молочник, разложила салфетки и поставила вазочку с конфетами. Озадаченные происходящим, Рома и Галя сидели рядом и красноречиво молчали. Незапланированное пиршество требовало объяснений.

Невероятным усилием воли Рита попыталась улыбнуться.

– Дети, у меня для вас новость – я нашла работу.

Воспользовавшись паузой, она разложила по тарелкам куски торта и налила всем чаю с молоком.

– А мы? – спросила Галя.

– Нас отдадут на продлёнку, – сказал Рома, – все, у кого родители работают, ходят на продлёнку.

Медленно подбирая слова – она теперь всё делала с трудом, будто жернова ворочала, Рита отрицательно покачала головой:

– Нет, я нашла другой выход. Я буду присматривать за девочкой. Она учится в шестом классе, её зовут Лина. Мы вместе будем отводить её на кружки, а потом она с вами сделает уроки и пополдничает.

Ромины глаза расширились от удивления:

– Ты будешь няней? Но нянями бывают только старушки. – Он забил рот тортом и сидел с оттопыренными щеками, смешной и раскрасневшийся. Рита вдруг заметила, как Рома осунулся за последние дни. Вчера, убирая кровати, она обнаружила мокрую от слёз подушку с засунутой в уголок наволочки игрушечной машинкой – подарком папы.

– Да, буду няней, – твёрдо сказала Рита, – но вы должны будете мне помогать, иначе я не справлюсь. – В поисках поддержки она взглянула на дочь.

Галя ковырнула чайной ложкой белопенный завиток крема, но есть не стала. Рита испугалась, что та сейчас заплачет, потому что тогда она тоже не сможет сдержаться, и ужин вместо задуманного чаепития, превратится в продолжение кошмара.

– Галочка, это только до лета, – заторопилась Рита, – нам надо продержаться несколько месяцев, а потом станет лучше. Я обещаю.

К её облегчению, дочка кивнула. После смерти отца она почти не разговаривала, ограничиваясь односложными репликами «да», «нет», «не хочу».

«Какими тортами ни заедай, какими медами ни запивай, а горе прочно сидит рядом с нами и тоже стучит ложкой о тарелку», – подумала Рита.

Она взглянула на буфет, в котором всё ещё стояла стопка водки, накрытая уже засохшим кусочком хлеба. Убрать рука не поднималась.

Не плакать, только не плакать, в противном случае можно сломаться навсегда и сломать жизнь детям. Работать, занять голову, мысли, чувства – вот единственный способ собрать из осколков свою жизнь.

* * *

Окна квартиры выходили на закат, и во второй половине дня гостиная оказывалась во власти мягкого розоватого света, отражённого от бордовых штор. На кожаном диване валялся плюшевый заяц голубого цвета. Придя из школы, Лина столкнула его с подушки, поэтому заячьи уши свисали почти до полу, касаясь солнечного луча на паркете.

Маргарита Ильинична стояла около стола и объясняла Роме, как правильно решить пример. Рома сидел рядом, а Галя напротив.

Высунув кончик языка, Лина закрасила голубым цветом зону арктических пустынь и подняла глаза:

– Я доделала задание и хочу компота. – Она поболтала ногами.

– Конечно, Линочка, вот, пожалуйста.

На столе перед Линой появился стакан компота, и ей волей-неволей пришлось отхлебнуть пару глотков, хотя пить не хотелось. Попросила для того, чтоб прогуляться на кухню и лишний раз заглянуть в Интернет, дабы постоянно быть на связи.

Если не было дополнительных занятий, Маргарита Ильинична отводила её к себе домой и сажала делать уроки. В первый же день она показала свою квартиру и пригласила чувствовать себя, как дома. При виде ящика с игрушками в детской комнате Лина фыркнула – лучше уж на телефоне поиграть. Брать с собой планшет мама не разрешала.

Новая нянька Маргарита Ильинична ходила за ней как приклеенная, и малявки её противные. Девчонка Галка задавака, потому что почти не разговаривает, а сын Ромка дурачок, как и все мальчишки.

Маргарита Ильинична была уже третьей няней за этот год. От первой – старой учительницы с трясущейся головой – Лина ухитрилась уехать до самого Павловска. Помешал контролёр, который сообщил в полицию о бесхозном ребёнке. Вторая, Гюзель, оказалась похитрее и перехватила её на выходе из подъезда. Но зато потом, размазывая по щекам слёзы и захлёбываясь от плача, Лина пожаловалась маме, что Гюзель её отругала и оттрепала за шиворот.

Чтобы мама крепче поверила, пришлось пару ночей бродить, как сомнамбула, а после школы сильно вздрагивать и рыдать.

Послonyaвшись по комнате взад и вперёд, Лина съела яблоко, а потом уселась в кресло и нарочно сделала телевизор громче, чтобы в ушах звенело. Сейчас Маргарита Ильинична попросит сделать телевизор потише или вообще выключить. Приготовившись дать отпор, Лина почувствовала, как у неё загорелись щёки. За ту неделю, что за ней присматривала новая няня с детьми, они её достали! Достали! Достали! С ней обращались вежливо, даже ласково, но всё это было не по-настоящему, а за мамины деньги.

По телевизору началось какое-то политическое шоу с орущими мужчинами, и Лина защёлкала кнопками пульта, насторожённо ожидая замечания. Но все молчали, и дело выглядело так, словно на её выходки никто не обращал внимания. Интересно, если разбить окно, то скажет ли ей кто-нибудь хоть словечко? Конечно, она не собиралась так поступать, но всё же осмотрела комнату в поисках подходящего предмета. Лучше всего годилась фарфоровая статуэтка медведицы с медвежатами, стоявшая на высоком комодe. Лина сползла с кресла и взяла статуэтку в руки.

– Когда мне исполнилось десять лет, этих медведей мне подарили родители, – за спиной сказала Маргарита Ильинична.

Лина оглянулась через плечо и медленно разжала пальцы.

* * *

Присев на корточки, Рита смела в совок осколки статуэтки. Рядом, в мягких тапочках, стояли тонкие ножки Ромика. С острым чувством жалости и нежности Рита погладила рукой его цыплячью коленку:

– Всё хорошо, дорогой, не расстраивайся.

Склеить фигурки явно не представлялось возможным.

Голова медведицы закатилась под стул, и её нарисованный глаз смотрел на мир со скорбным осуждением. У разбитых мишек были имена: Лукерья Потаповна, Пуся и Муся. Она придумала их в третьем классе, когда болела. Мама вставать не позволяла, и чтобы было не скучно, Рита натащила в постель всякую всячину, типа маленьких куколок, игрушечной посуды и стеклянных шариков из мозаики. Меж двух подушек она устраивала для мишек берлогу и понарошку поила их чаем с мёдом.

Глупо сокрушаться о потере вещей, когда на голове вдовий плат, денег нет даже на еду, а дети в такой депрессии, что с трудом могут общаться между собой.

Рита не стала убирать в квартире, пока не отвела Лину домой. Не хотелось при ней выказывать свою обиду, тем более, что Лина не обнаружила ни тени раскаяния.

– Мама, давай ты откажешься присматривать за Линой, – сказала Галя. С несчастным выражением лица она топталась в дверях и усиленно моргала. – Мне жалко мишек. Я видела – эта Линка специально их уронила.

«Нет худа без добра, – подумала Рита, – Галя заговорила». Ради фразы, произнесённой дочерью, она смогла бы перебить всю свою посуду, включая хрустальные бокалы.

– Правда, мам, выгони её, – подхватил Ромик, – мы с Галей можем отказаться от школьных обедов, и тебе не придётся платить. Да, Галя?

От разговора детей Риту охватило чувство нереальности происходящего. Да с ними ли происходит такой кошмар? Может, стоит проснуться и распахнуть глаза? На всякий случай она потрясла головой в дикой надежде, что черепки преобразятся в целую фигурку, а муж повернёт ключ в замке и шагнёт в комнату с весёлым возгласом:

– Ну, где тут мои домочадцы?!

Но чуда не случилось. Рита загнала на совок последний осколок и поднялась.

– Нет, дети, – она серьёзно взглянула на дочку с сыном, – мы с вами будем заниматься с Линой. Во-первых, я обещала её маме, а во-вторых, мы не имеем права бросить работу только потому, что она трудная. Иначе грош нам цена. Нам сейчас необходимо держаться вместе и помогать друг другу.

Галя кивнула, а сын упрямо наклонил голову:

– А если она сама не захочет?

– Значит, Лине тоже придётся потерпеть нас до каникул.

– Она злая, – не сдавался Ромик, – неужели ты не замечаешь, как она смотрит? Только и думает, как напакостить.

Рита вспомнила быстрые острые взгляды Лины, в которых чувствовалась то ли хитрость, то ли скрытое сопротивление. Непростая девочка, очень непростая. Может, прав Рома и имеет смысл подыскать себе другую воспитанницу, пока не поздно, а с Линой пусть другие мучаются – не сирота она, в конце концов, у неё мать есть. Пару секунд она раздумывала, а потом решительно сказала:

– Нам надо постараться полюбить Лину, и тогда мы все станем другими.

– Мама, так нам теперь к ней подлизываться, что ли? – Голос Гали задрожал от возмущения.

– Ни в коем случае! – быстро ответила Рита. – Просто надо посмотреть на Лину другими глазами и, главное, постараться её понять.

* * *

Перед тем как позвонить родителям, Рита для бодрости выпила две чашки кофе, а потом посмотрела в зеркало, откуда на неё взглянула измождённая светлоглазая женщина со впалыми щеками и тонкими морщинками у рта. Волосы кое-как собраны в пучок и перетянуты резинкой. Да и зеркало в комнате давно не протиралось, тускло отсвечивая тонким слоем пыли. Сделав шаг в сторону, Рита осмотрела зазеркальное пространство с двумя диванчиками коричневой кожи и белой мебелью в скандинавском стиле. Зеркало покупалось в новую квартиру, чтобы отражать семейное благополучие. И та жизнь была счастливой, очень счастливой, жаль, что осознание прошлого счастья достучалось до разума через нынешнее горе.

«Так не годится», – сказала себе Рита, потому что от собственного вида захотелось то ли засмеяться, то ли зарыдать. Распустив волосы, она тщательно причесалась и подкрасила губы коралловой помадой. И без того бледное лицо стало казаться совсем матовым. «Виктору бы не понравилось», – змейкой проскользнула короткая мысль и тут же исчезла, потому что переключилась на предстоящий разговор, во время которого требовалось говорить бодрым голосом, и вообще, изображать сдержанный оптимизм. Важно не переиграть.

На звонок мама ответила сразу. От звука её голоса у Риты стало теплее на душе и одновременно тревожно.

– Мамуля, как вы там?

– Всё хорошо, Риточка, не беспокойся. Папа пошёл гулять, доктор прописал ему длительные прогулки, а он превратился в жуткого лежебоку. Едва выставила.

По тональности разговора Рита чувствовала, что мама улыбается, и улыбнулась в ответ. Как ни странно, улыбка получилась почти настоящая. Она представила, что мама сидит у окна в своём любимом протёртом кресле и держит на коленях вязание. В последний год мама увлеклась вязанием и хотя постоянно спускала петли и перекашивала ряды, посвящала новому хобби каждую свободную минутку.

Милая мамочка! Прежде статная, она начала сутулиться, и стёкла очков с каждым годом становились всё толще и толще. У Риты сжалось сердце.

– Что ты сейчас вяжешь?

Сквозь потрескивание в мобильнике слышалось тонкое клацанье спиц. Видимо, мама перебрала своё вязание.

– Учусь вязать носки. Наверное, я бестолковая, но у меня никак не получается пятка. Подожди, сейчас я подниму одну спицу, пока она не закатилась под кресло.

Во время паузы Рита одной рукой запихала бельё в стиральную машину и нажала кнопку пуска. Дорогой порошок заканчивается, осталась последняя ложка, и значит, надо переходить на дешёвый.

– Рита, я тут, – сказала мама, – спицу не нашла. Придётся отодвигать кресло.

Они болтали о всяких пустяках, боясь неверным словом вызвать новый поток слёз. Обсуждали, что соседская кошка (Рита, ты же помнишь Мусю?) принесла пятерых сибирских котят, ужасно хорошеньких. Вспоминали про то, что на базаре много клюквы, а папин сослуживец вырастил на огороде гигантскую тыкву.

Под конец разговора мама вздохнула:

– Рита, мы с папой посоветались и хотим перевести тебе деньги. Помнишь, мы копили на новую мебель? Но я так привыкла к старой, и, кроме того, изготовители сейчас ужасно халтурят и делают из всяких заменителей и ДСП. В общем, наши накопления лежат мёртвым грузом, а тебе с детьми окажутся очень кстати.

– Мама, поберегите деньги для себя, я устроилась на работу.

– Правда? Кем?

– Пока няней к школьнице. Очень милая девочка, добрая, спокойная. И платят прекрасно, так что нам хватает, не беспокоюсь. Кроме того, я сейчас оформляю всякие пособия и льготы, а потом сниму деньги с Витиной карточки.

– Твоё «потом» наступит почти через полгода, – напомнила мама.

– Ничего страшного. У нас всё хорошо. Галюша стала разговаривать, а у Ромика появился аппетит. Вчера он попросил на ужин котлеты. В честь этого я не поленилась и налепила зраз с луком. Мы устроили настоящий пир.

– У меня сегодня тоже зразы. Мы с тобой всегда думаем в одном направлении.

Есть много способов сказать маме «люблю», и Рита произнесла будничное:

– Мамуля, вы там с папой не простужайтесь, а то, говорят, опять грипп пошёл.

– Что ты, Риточка, мы в прекрасной форме. Папа на пути к выздоровлению, а я чувствую себя на двадцать лет моложе. – Мама рассмеялась милым хрипловатым смехом. – Ну ладно, пусть будет на тридцать. Поцелуй за меня Галю с Ромочкой, я без них скучаю.

– Обязательно. Пока, мама, мне надо идти.

– Счастливо, Риточка!

Отключив телефон, Ритина мама спрятала лицо в ладони и жалко скукожилась в кресле, став совсем маленькой. Её сил хватило только на разговор с дочерью, во время которого она мучительно старалась не выдать своё отчаяние, потому что проблемы нарастали снежным комом, окончательно погребая под собой надежды на будущее. Да и о каком будущем может идти речь, если муж едва таскает ноги, зять умер, дочка бьётся в нищете, а у самой голова кружится так, что впору лечь на пол и не вставать?

– Господи, только бы детям было хорошо, – сами собой прошептали губы, прежде чем послышались шаркающие шаги мужа. Резко выпрямившись, она взяла в руки вязание и сделала вид, что поглощена работой. – Вот и ты, мой дорогой. Хорошо погулял? А мы тут весело поболтали с Ритой. Представь, Ритуля устроилась на работу, так что жизнь налаживается, видишь, какое у меня прекрасное настроение!

* * *

Галя и Рома привыкли, что по утрам мама будит их в школу, а на кухне ждёт завтрак – обычно каша, молоко и жареные гренки.

И хотя Рома успевал проснуться до маминого прихода, при звуке её шагов он притворился спящим. Мама гладила его по голове, легонько трепала за ухо. От её рук всегда прохладно и вкусно пахло мыльной свежестью.

– Малыш, пора просыпаться.

Он сладко жмурился и бурчал, стараясь говорить басовито: «Я тебе не малыш», хотя всей душой желал, чтобы всегда, всю оставшуюся жизнь мама называла его малышом. Сегодня он тоже проснулся рано, и когда мама вовремя не пришла, забеспокоился. Привстав в кровати на локоть, Рома посмотрел на закрытую дверь, потом на будильник, который показывал семь часов пятнадцать минут. Ровно во столько приходила мама. Решив подождать, он снова опустился на подушку и стал гадать, купит ему мама на 23 февраля модель «Феррари» или нет? С одной стороны, мама просила потерпеть, потому что нет денег, но с другой, он ещё никогда не оставался без подарков. Рома перекатился на бок, спустил руку вниз и нащупал на полу модель гоночного «Мерседеса».

Мама не шла. Он ещё немножко полежал, а потом встал и босиком пошлёпал выяснить, в чём дело.

Мама стояла на кухне и смотрела в окно: зима крутила над городом снежную карусель.

– Мам?

Он подошёл и встал рядом. Мама обняла его плечи и уткнулась в макушку подбородком. От её дыхания голове стало щекотно и приятно. Роме показалось, что мама снова плачет (а она не плакала уже несколько дней), и почувствовал, как у него в носу опасно засвербило нарождающимися слезами. Мама поцеловала его встрёпанные волосы и сказала:

– Сегодня у папы день рождения. – Она помолчала и добавила: – Помнишь, в прошлом году мы отмечали его в китайском ресторанчике и ты съел целую гору крабовых чипсов?

Её рука, лежащая на плече, дрогнула, и чтобы не дать маме расстроиться, он выпалил:

– Ты забыла нас с Галей разбудить, и мы проспали.

Мама охнула:

– Неужели? А сколько времени?

– Почти половина восьмого. Но я встал, а Галя ещё спит.

– Ты моя палочка-выручалочка, – похвалила мама, и Рома, довольный, пошёл в ванную мыться, потому что сделать это надо было раньше Галки, иначе она засядет там на целый час. Удивительно, что даже зубы девчонки чистят в сто раз дольше, чем все нормальные люди.

* * *

На Смоленское кладбище ведут два входа – центральный вход, куда приходят автобусы и течёт поток людей, и неприметный – с улицы Беринга, вблизи станции метро «Приморская». Если свернуть от метро влево, пересечь мостик через речку Смоленку и снова повернуть налево, то очень быстро можно оказаться у кладбищенской ограды.

Отправив детей в школу, Рита шла нога за ногу, мысленно подбирая слова, которые хотела сказать Виктору наедине. Не станешь же при детях рассказывать, как прибило её к земле и искорёжило, как вскакивает по ночам, не веря, что в спальне не слышно дыхания мужа, что в прихожей всё ещё стоят мужские кроссовки и висит спортивная куртка и что когда стало совсем тошно, она вдруг сочинила стихи, которые может прочесть только ему.

Обычно они с детьми навещали могилу по выходным, обходясь без слёз, поскольку холмик земли, укрытый венками, дети не ассоциировали с живым отцом. Они привыкли, что папа часто ездил на спортивные сборы, порой затягивающиеся на несколько месяцев, и наверно поэтому подспудно ждали, что однажды раскроется дверь и папа вернётся домой с кучей призов и подарков.

Сегодня разгулялась непогода, и Рите нравилось, что метель срывает платок с головы, швыряя в лицо пригоршни снега, что надо идти, нагибаясь вперёд, и что ноги скользят и вязнут в снежной каше. Тяжесть пути непостижимым образом дарила некоторое успокоение.

У ворот, как часовой, стоял монах с кружкой для сборов. Нашарив в кармане мелочь, Рита опустила её в узкую прорезь. Монах дрожал от холода, поэтому его слова прозвучали невнятно:

– Спаси, Господи.

Ей не хватало этих слов, и она с благодарностью наклонила голову, повторив их ещё раз, больше для себя:

– Спаси, Господи.

Из-за метели на кладбище было безлюдно, если не считать мамочку с коляской. Рита взглянула на неё с пониманием, потому что сама гуляла в любую погоду с грудным Ромиком, в противном случае он орал до синевы, подымая на ноги всех домашних, включая соседей.

Где-то в районе центрального входа урчал трактор. За дымкой снежной пелены голубой скалой возвышалась башня высотного дома. Разросшиеся деревья теснили покосившиеся памятники. Среди крестов и надгробий нестерпимая боль стиралась, уступая место покою вечности.

Около памятника со скорбящим ангелом Рита остановилась и долгим взглядом посмотрела на его обломанные крылья и искалеченные руки. Припав на колени, безрукий и бескрылый ангел не сдавался времени, оплакивая своего покойника холодными, мраморными слезами.

История кладбища начиналась вместе с историей города, разбегаясь дорожками по обе стороны от центральной аллеи. Блоковская дорожка, Петербургская, Зверевская, Ксенинская – и на каждой из них ряды, ряды, ряды ушедших, что испытали на себе железную руку царя Петра и весёлую пору Елизаветы Петровны, что кричали «Виват» веку Екатерины и стояли в толпе зевак на Сенатской площади. Поздние захоронения теснили былые, по большей части заброшенные. Её Виктор был малой каплей в море петербургских теней. Сколько же судеб разбилось здесь о могильные плиты!..

По дорожке, укрытой снегом, пунктиром шла цепочка свежих следов, и Рита с удивлением разглядела у могилы мужа посетителя, точнее, посетительницу. С букетом в несколько алых роз женщина присела на корточки и размела рукой холмик снега, как обычно делают близкие родственники. Издалека красные розы на белом снегу сверкали кровавыми рубинами. Кое-кого из сослуживиц Виктора Рита знала, с Марией дружила, но эту даму видела впервые. Она прибавила шаг, чтобы поздороваться. При её появлении женщина упруго вскочила на ноги и натянула на голову капюшон, мешая рассмотреть черты лица.

– Пойдите, подождите, – начала произносить Рита, но женщина отступила назад, за другую могилу, а потом едва ли не бегом проскользнула между надгробий и скрылась из виду.

На ледяном ветру телефон выскальзывал из холодных пальцев, и номер Марии набрался с третьей попытки.

– Маша, ответь, ответь, пожалуйста, – бормотала про себя Рита, пока шли гудки. Она не смогла бы внятно объяснить, почему ей понадобилось срочно разузнать, кто приходил на могилу Вити, но чувствовала это как жизненную необходимость. Было в повадках незнакомки нечто тревожащее.

– Маша!

– Слушаю тебя, Риточка!

– Маша, знаешь, – она замялась, – я сейчас на кладбище. У Вити день рождения.

– Да, я помню, извини, что не позвонила первая, надо было пойти вместе с тобой, но сегодня такой сумасшедший день! У нас комиссия, а потом подготовка к соревнованиям.

– Маша, я не про то. Я хочу спросить. Когда я пришла, у Витиной могилы стояла женщина с розами и, увидев меня, буквально сбежала. Ты не знаешь, кто это мог быть? Сначала я подумала, что ты кого-нибудь послала, но зачем тогда ей вести себя так странно? – От длинной паузы в трубке Рите стало не по себе. – Маша, не молчи, скажи что-нибудь.

Мария вздохнула:

– Может, будет и лучше, если ты узнаешь, что Витя не стоит твоих слёз. А то ты так убиваешься, что смотреть больно. – Голос Маши прозвучал обречённо. – В общем, Виктор давно тебя обманывал с другой.

– Что?! И ты знала?!

Рита не поняла, кто задал вопрос, пока не сообразила, что ей отвечают.

– Знала. И все наши были в курсе. Витя особенно и не скрывал. Сама понимаешь – спортивный мир тесный. Лена – тренер по лёгкой атлетике из Москвы. Виктор сошёлся с ней, когда ты ждала Галку. Они вместе ездили на соревнования, сборы и даже на курорт.

Выронив телефон, Рита замерла, потому что белая метель вдруг слилась с белым небом и какое-то время она ничего не слышала.

– Рита, ты слушаешь меня?! Прости, Рита! – неистово верещала трубка из снежного сугроба.

Рита не стала поднимать телефон. Противно было к нему прикасаться.

Наверно, у неё должно было бы остановиться сердце, но ничего подобного не произошло, только дышать стало тяжело. Господи, что делать? Как жить дальше? Дрожащими пальцами она сорвала с шеи шарф и расстегнула пальто. В ушах звенело противным комариным писком. Спотыкаясь о засыпанные снегом бордюры, Рита вышла на центральную аллею и остановилась у гранитного обелиска с расколотым постаментом.

– Простите!

Рита обернулась и увидела пожилую женщину в ярко-красной вязаной шапке.

– Вы потеряли телефон.

– Спасибо!

Плечи женщины слегка дрогнули:

– Не подскажете, как пройти к часовне Ксении Блаженной?

Рита махнула рукой по направлению центрального входа:

– Идите прямо по дороге. Там увидите.

– Вы тоже к Ксеньюшке? – не отставала женщина.

– Нет, то есть да!

Не дожидаясь ответа, Рита круто развернулась вправо и почти побежала вперёд по длинной белой аллее.

* * *

– Девушка, осторожнее, вы поранитесь!

Рита очнулась от того, что кто-то держал её за плечи, а сама она стояла и колотилась лбом о шершавую стену.

«Где я? Зачем? Почему?» – вихрем пронеслось в мозгу сразу несколько вопросов, тут же растворившихся в потоке дурноты. В следующее мгновение она вспомнила, как прибежала к часовне Ксении Блаженной и припала ладонями к холодной кладке в капельках зимней испарины.

– Матушка, Ксеньюшка, помоги!

Больше Рита ничего не смогла придумать, потому что мысли не держались в пустой голове, стоном выплёскиваясь наружу. Какие-то люди усадили её на скамейку и сунули в руки бумажный стаканчик с чаем из термоса:

– Вот, попейте, вам надо успокоиться.

Стаканчик прыгал в руках, и несколько капель горячего чая вылилось на подбородок. Это привело её в чувство. Сгорбившись на скамейке, она некоторое время сидела неподвижно. Метель стихла, и снежные тучи осыпали землю редкими пушистыми хлопьями.

Со своего места Рита видела движение людей вокруг часовни, которые входили и выходили в распахнутую дверь. Две девушки рядом с ней на клочках бумаги писали записочки. Старушка в длинной юбке со свечкой в руках обходила часовню по кругу. Высокий мужчина с фотокамерой стоял и смотрел на церковный купол, словно бы размышляя, сфотографировать или нет?

Прежде Рита никогда не подходила сюда, сторонясь толпы. Её ещё трясло от нервного напряжения, но всё же здесь, вблизи часовни, дышалось спокойнее и легче. Глоток за глотком она допила чай и поднялась, потому что понемногу начала замерзать. Утром, когда она вышла из дома, рядом с ней маячило только горе, а сейчас к нему прибавились обида и опустошённость.

Рита достала платок, чтобы высморкаться, и встретилась взглядом с женщиной, что спрашивала у неё дорогу.

– У меня сын умирает, – сказала та, – говорят, если три раза с молитвой обойти вокруг часовни, то Блаженная поможет. – Её лицо исказила гримаса отчаяния. – Почему мы не в

состоянии уберечь своих детей? От болезни не можем, от горя не можем, от несчастной любви не можем. Что нам остаётся? Только молиться за них. – Её голос дрогнул. – Как думаете, выздоровеет сын?

Ответа на вопрос Рита не знала, но поняла, что не имеет права промолчать, иначе женщина будет окончательно сломлена.

– Обязательно, – шепнула она со странным чувством уверенности в правдивости своих слов. Если бы это было иначе и святая не помогала, то разве шли бы сюда люди со своими надеждами?

Медленно, как будто под водой, она вошла в часовню.

Людей в тесном помещении набилось довольно много, поэтому Рита не сразу разглядела раку из белого мрамора, уставленную букетами цветов. Позади, в нише, мозаичная картина распятия. И везде свечи, множество свечей: на подсвечнике, в руках молящихся, в отблесках на стекле и зажжённых лампадах.

Поверх раки на мраморной крышке лежал крест, и молчаливая очередь медленно двигалась в одном направлении – приложиться к кресту.

Какая-то женщина отступила назад и пропустила Риту вперёд. В этой живой цепочке, среди людей, легче дышалось и думалось. Но самое главное, рядом с каждым человеком здесь стояла надежда. Окутанная запахом ладана, она была незримой связью между пришедшими и той, что покоилась под этими сводами.

– Ксеньюшка, заступница петербургская, умоли за нас Господа, – срывающимся шёпотом бормотал кто-то посредине толпы.

Когда подошла Ритина очередь, она растерялась и неловко ткнулась губами в прохладный мрамор. Наверное, за последнее время она выплакала все слёзы, потому что в глазах было сухо до рези.

*Храни меня, Боже, ибо я на Тебя уповаю*³², – тихим отзвуком пришло на ум слышанное ранее, и Рите показалось, что в этот момент Ксения Блаженная взяла на себя часть её ноши.

* * *

С того дня, как всплыла правда о предательстве Виктора, на душе легче не стало. Наоборот, к чувству потери прибавилась потребность высказаться, выяснить отношения, чтобы отделаться от острого состояния позора и униженности. Как он мог?! Как?! Мысленно Рита постоянно разговаривала с ним, что-то доказывала, о чём-то вспоминала. Теряла нить разговора и опять заводила длинный монолог из одних вопросов без ответов.

Рита совершенно перестала спать. Ночь за ночью она не смыкала глаз, а утром чувствовала себя полудохлой рыбиной с тусклой серой чешуёй и выдранными плавниками, которые уже никогда не шевельнутся в чистой воде.

«Есть только три способа вырваться из круга горя: забота, работа и молитва», – думала она про себя.

Казалось бы – просто и доступно для каждого, но самое сложное здесь – преодолеть то отчаяние и оцепенение, которые камнем давят душу. Хотелось отвернуться и лежать лицом к стене, не мигая, глядя на рисунок обоев в блёклых цветочках.

Тягостные размышления не отпускали, будоража непостижимой мыслью – зачем Виктор обманывал? Причем не разово, под влиянием минуты, а годами, год за годом нагромождая горы новой лжи. Почему не признался? Она поняла бы, отпустила, переболела, перестрадала. Никогда не стала бы препятствовать встречаться с детьми, не повисла бы камнем на шее. И

³² Пс. 15, 1.

Витя прекрасно знал это. Но вместо того чтобы поступить по чести, он сам жил в грязи и вывалял в грязи всю семью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.